

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

Вселенной никогда не быть прежней

БЛУДНЫЙ СЫН,

ИЛИ ОЙКУМЕНА:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
Книга III. СЫН ВЕТРА

Ойкумена

Генри Олди

Сын Ветра

«Автор»

2019

Олди Г. Л.

Сын Ветра / Г. Л. Олди — «Автор», 2019 — (Ойкумена)

Отщепенец, беглец, Сын Ветра – Натху Сандерсон сумел обмануть высоколобых экспертов и матёрых офицеров разведки. Феномен укрылся в феномене, дитя раздора – в Саркофаге, неприступном бастионе прошлых времён. Три могучие цивилизации – аскеты-брамайны, волки Великой Помпилии и просвещённый Ларгитас – сбили ноги в поисках. Союзники и враги, они ищут сразу всё: чудо-мальчика, козлов отпущения, малейший повод для войны. Свободную Ойкумену и тюрьму-Саркофаг роднит главное: где бы ты ни был, твоя жизнь не стоит и выеденного яйца. «Блудный сын» – пятый роман эпопеи «Ойкумена», давно заслужившей интерес и любовь читателей. «Космическая симфония» была написана Г. Л. Олди десять лет назад, а в «одной далекой галактике» год идет за два – не зря у нового романа есть подзаголовок «Ойкумена: двадцать лет спустя». Что дальше? Вселенной никогда не быть прежней.

© Олди Г. Л., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава первая	10
I. Чайтра	10
II. Саркофаг	14
III. Ларгитас	18
IV. Саркофаг	23
Контрапункт	28
Глава вторая	32
I. Чайтра	32
II. Саркофаг	37
III. Ларгитас	39
IV. Саркофаг	43
Контрапункт	49
Глава третья	54
I. Чайтра	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Генри Лайон Олди

Блудный сын, или Ойкумена: двадцать лет спустя. Сын Ветра

Пролог

– В каком состоянии находилось ваше тело до вашего рождения?
– Вещество, из которого я теперь состою, было рассеяно в воздухе, воде, и почве.
– Значит, до рождения вы были мертвы?
– По всей вероятности.
– Но раз вы были мертвы, а теперь ожили, то стало быть, вы воскресли из мёртвых?
– Выходит, что так. Все окружающие нас люди суть воскресшие из мёртвых.
– Как вы думаете, можете ли вы снова ожить после смерти?
– В той же точно форме это невозможно. Но в другой форме весьма естественно.
– Но ведь это произойдёт через миллионы лет!
– Не беда! Времени в природе сколько угодно. Чувствовать и сознавать время вы не будете: миллионы лет пройдут, как одно мгновение, и вам покажется, что после смерти вы немедленно родились.

Константин Челковцев, «Грезы о земле и небе»

– Детка, чего ты ломаешься?
И правда, подумал Боров. Чего она ломается?
– Еще рыбы?
– Да, – согласилась Мирра.

Её действительно звали Миррой. И фамилия похожая: Шухайни. Она даже паспорт показала: всё сошлось. Паспорт мог оказаться подделкой, на Тилоне подделывали всё, включая генный код, но Боров чуял: сегодня ему повезёт. Вчера он этого не чуял, и правда – молодая брамайни Мирра Чакраварти оказалась внутриутробным транссексуалом Миррином Чакравартином. Напившись, Миррин разоткровенничался, и Боров постарался распрощаться с ним как можно быстрее. Для цели, которую ставил перед собой старший механик Вандерхузен, транссексуал не подходил. Даже готовый на все – нет, не подходил.

Завтра утром «Вкусняшка» стартовала на Шадруван. Надо было спешить.

– Вот, смотри: сет на двоих. Барабулька, цаца, сардины...
– Сам ешь свою барабульку! Мне лосося со спаржей в грейпфрутовом соусе. И устрицы «Белый жемчуг»...

Зараза, вздохнул Боров. Вслух, разумеется, он ничего не сказал, боясь спугнуть удачу.

– Официант!

Серокожий тилонец возник у столика: сама услужливость.

– Лосося даме! Со спаржей. И устриц...

– Что будете пить? К лосося я бы порекомендовал розовое игристое. Оно придаст рыбе элегантности...

– Фрак надень! – не сдержался Боров. – На лосося.

– Простите, зачем?

– Для элегантности. Мне барабульку с цацей.

– Целый сет? На одного?!

– Ты меня видишь?

- Вижу, сэр. Вы правы. Записываю: на одного.
- И ячменной водки!
- У вас отличный вкус, сэр.
- Ты лапочка, – фыркнула Мирра, когда официант сгинул. – Ночью храпишь?
- Нет.
- Ты дважды лапочка, ларгí. Так на чём мы остановились?

На лососе, чуть не брякнул Боров. Ресторан «Мама Акула» был ему не по карману. Чтобы сводить сюда Мирру, старший механик Вандерхузен занял сперва у Глиста, а потом, скачав в вирте меню с ценами и картинками, у всей бригады механиков. Ему занимали с радостью. Во-первых, он всегда возвращал долги, а во-вторых, это было меньше, чем члены экипажа «Вкусняшки» могли расплатиться с Боровом за спасение своих драгоценных задниц. Капитан вернул ему приставку «старший», что означало повышение жалованья, вернул отдельную каюту – черт возьми, капитан бы тоже занял герою денег, рискни Боров обратиться к капитану с такой просьбой.

– Мы грузимся осьминогами, – напомнил Боров, ковыряя салат. Зелень он ненавидел. – Каракатицами, гребешками, всякими гадами. Завтра старт. Я беру тебя на борт.

– Где я прячусь? – деловито поинтересовалась Мирра.

Вопрос выдавал большой опыт. А аппетит, с которым молодая брамайни прикончила свой салат и отобрала у Борова его остатки – большой голод. Похоже, с физическими страданиями в жизни Мирры царил полный ажур, а значит, и с накопленной энергией. Поначалу Боров пригласил девушку в «Бычка-чувачка», кушать говяжьи стейки – и выслушал целую лекцию на тему страданий. Если верить Мирре, грязным пожирателям коров светили безрадостные перспективы: и при жизни, и после. «Само имя коровы указывает, что ее нельзя убивать. Как же назвать того, кто способен ее убить? Бесспорно, тот, кто убивает корову или быка, совершает отвратительное злодеяние!..»

К убийству лосося девушка отнеслась с пониманием. К убийству спаржи – тоже.

- Всё официально, чин чинарем. Прятаться не придётся.
- Врёшь!
- Честное слово, с гарантиями.
- Ты не пожалеешь, ларгí! Я толкачиха с большим ресурсом.

И Мирра, на миг оторвавшись от еды, со значением колыхнула грудью. Да, согласился Боров. Ресурс исключительный, спору нет.

- Спishi ты у меня, – развивал идею Боров. – Это не обсуждается.
- Сколько человек в каюте?
- Я один. С тобой – двое.
- Врёшь!

Реакция брамайни не отличалась разнообразием.

- Говори сразу: сколько? Если больше трех, я пас.
- Двое. Ты да я, да мы с тобой.
- Темнишь, ларгí?
- Детка, чего ты ломаешься?
- Я?

Ну да, подумал Боров. Она не ломается. Она не верит.

– Извини, детка. Это я так, по привычке.

Мирра скорчила потешную гримасу:

– По привычке? Ты давай, выкладывай. Какие у тебя еще есть привычки? Хотелось бы узнать до свадьбы, а то после хлопот не оберешься!

– Расчленёнка, – глупо пошутил Боров. – Ещё моюсь редко.

– Чепуха! Я тебя вымою, золотце. С мыльцем, с шампусиком. Я тебе такую головомойку устрою – закачаешься! И расчленюсь, если что. Ручки сюда, ножки туда, головку отдельно. Потрошки на супчик! Любишь супчик с потрошками?

Болтливая, отметил Боров. Щебечет. Ладно, привыкну.

– Спим в отдельной каюте, – он налил Мирре вина. – Работаешь полсмены, больше не надо. Я бы совсем освободил тебя от работы, но ребята не поймут. Станут задавать вопросы, дойдет до капитана. Оно нам надо?

– Не надо, – согласилась Мирра.

– По прилету выгружаемся, дня три сидим на станции. Я нахожу тебе подходящего телепата...

– Кого?!

Вино попало Мирре в дыхательное горло. Из глаз брамайни брызнули слёзы, девушка зашлась кашлем.

– Телепата.

– Что значит: подходящего?!

– Молодого. Ну, они там все молодые, других не держат. Красивого. Если что, сама выберишь.

– И что он будет со мной делать?

– Мысли читать, – буркнул Боров. – У тебя же есть мысли?

– Есть одна.

– Вот её он и прочтёт. Детка, что ты обычно делаешь с красивым молодым парнем?

– А, так ты сутенёр...

Мирра успокоилась. Ситуация свернула в привычное русло – и тут же плеснула на берег кипящей волной:

– Я сутенёр?! – Боров побагровел. – Детка, я твой выигрышный билет! Слушай и не перебивай: мы находим тебе телепатика...

– Ну, находим.

– Ты идешь с ним на пару дней...

– Ну, иду. Мне шестьдесят процентов от заработка!

– Никакого заработка! Ты идешь с ним бесплатно. Не переживай, я всё компенсирую. Ты пьешь таблетки для зачатия...

– Что?!

– Таблетки, – Боров достал из кармана упаковку. – Для зачатия.

– Чьё производство? Борго? Хиззац?!

– Ларгитас.

– Ого! – Мирра присвистнула. – Хорошо, я обзавожусь ребёночком. Что дальше?

Официант принес лосося и барабульку. Расставив еду, он щелкнул пальцами – и откуда ни возьмись объявились вино с водкой. «Мама Акула» умела удивить клиентов. Мирре официант налил первой – на донце бокала. Дождавшись, пока девушка попробует и кивнет, официант налил игристого до краев, так, что шапка пены чудом удержалась наверху.

Боров потянулся к графину и налил себе сам. И выпил сам, и по второй налил. Нервы что-то расшалились, да.

– Мы фиксируем зачатие, – сказал он, когда официант ушёл. – Это обязательное условие.

– Где мы его фиксируем?

– На станции прекрасный медблок. Он укомплектован квалифицированным персоналом. Детка, наша медицина – лучшая в Ойкумене.

– Ты сказал, три дня. За три дня мне никто не поставит точный диагноз.

– Двенадцать часов. Я выяснял: наши гинекологи определяют, есть зачатие или нет, через двенадцать часов после полового акта. В благоприятных случаях – через шесть часов с половиной. Зигота формируется, становится бластоцистой... Ты знаешь, что такое зигота?

– Нет.

– Я тоже. Так написано в инструкции к таблеткам. Короче, фиксируем и улетаем. Останавливаемся здесь, на Тилоне. Ты...

– Я высаживаюсь? Лапочка, ты псих. Ты хочешь продать моего ребеночка на органы? А, поняла! Ты хочешь шантажировать молоденького телепата! Мне шестьдесят процентов! Ну ладно, сорок...

– Никакого шантажа. Ты никуда не высаживаешься, ты остаешься на борту. Я обращаюсь к капитану с просьбой зарегистрировать наш брак...

Мирра кашляла долго, надсадно. Смуглое лицо девушки приобрело синюшный оттенок, из носа потекло. Боров даже забеспокоился. Еще задохнётся! Наверное, косточка в глотке застряла.

– Брак? – тихо спросила она, когда вновь обрела дар речи.

– Брак.

– Законный?

– Законный.

– Ты, небось, и колечко приготовил?

– Небось.

Сарказм вопроса обидел Борова. Он полез в карман и достал коробочку из красного бархата в виде сердца. Откинул крышку, показал Мирре тоненькое колечко белого золота. В розетке блестел темно-синий сапфир.

– Сейчас не дам, – предупредил он. – Только на обратном пути: здесь, на Тилоне. После фиксации зачатия. Как моя жена, ты оформишь вид на жительство. Жить будешь на Ларгитасе, со мной, там же и родишь. Ребенка я усыновлю...

– Зачем?

– Ну да, конечно. Ты права, детка. Ребенок родится моим, по закону. Телепат не считается, он так, погулять вышел. От экспертизы мы откажемся. Они не могут, если без разрешения...

– Потом ты меня выгонишь?

– За кого ты меня держишь?! Мы будем жить долго и счастливо. Ты слыхала про антиса? Про первого ларгитасского антиса?

– Слыхала.

– Ты в курсе, что я, считай, его отец?

– Ты Сандерсон? Ты же говорил: Вандерхузен!

– Я Вандерхузен. Это я познакомил Гюнтера Сандерсона с Миррой Джутхани. Я их познакомил, а они сделали антиса. Мы с тобой сделаем второго. Я знаю рецепт, я им свечку держал! В каком-то смысле...

– Рецепт?

– Брамайни-автостопщица. Станция на Шадруване, рядом с Саркофагом. Случайная связь с телепатом. Поняла?

– И это всё?

– Нет, не всё. Ещё травка.

– Какая травка?

– Неважно. Ты куришь?

– Курю.

– Вот и покуришь перед сексом. Я тебе сверну косячок, ты и покуришь. Ты вообще понимаешь, как тебя назовут? Мать второго ларгитасского антиса! А если первого не поймают, наш

сын выбьется в первые. Да мы утонем в деньгах! Лосось на завтрак, устрицы на обед! Ты откуда родом, с Чайтры?

– Нет, с Пхальгуны.

– На Пхальгуне тебе памятник поставят. И на Чайтре поставят. В ножки поклонятся, лишь бы ты вернулась. А мы им: накось выкуси! А мы на Ларгитасе, на всем готовеньком! Антисовы папа с мамой, понимать надо! Детка, ну что ты ломаешься?

– Я?

Мирра встала. На глазах девушки блеснули слёзы.

– Ноги буду мыть, – твердо произнесла она. Взгляд её прояснился: взгляд истинно верующей, обращенный на Мать Шриджу, божество удачи. – Ноги тебе буду мыть и воду пить. Если сделаешь, как сказал, я на тебя молиться стану.

– Вина! – заорал Боров. – Еще вина! И водки.

Никогда он не был так счастлив, как сейчас.

Часть первая

Три планеты, не считая четвертой

Глава первая

Со всем подобающим почтением, или С мёртвых спрос невелик

I. Чайтра

Вызов настиг Бхимасену в самый неподходящий момент.

Утонув в вытертом бархате любимого кресла, генерал запустил на визоре спортивный канал и отключился от презренного тварного мира столь качественно, что иным йогинам стоило бы поучиться у него медитации. В правой руке – бокал кокосового бренди двенадцатилетней выдержки. В левой – ароматная сигара «Гуркха». Курил генерал редко, но в сигарах толк знал.

Сизыми облаками дым уплывал к вентиляционным решёткам.

Ойкумена – растревоженное осиное гнездо. Чайтра – котёл, булькающий на огне. Космос – театр военных действий. Карусель боевых флотов: Брамайнское Содружество, Ларгитас, Великая Помпилия. Секретариат Совета Безопасности Лиги – помойная яма. Как из каскадного излучателя, в секретариат СБЛ всаживались официальные заявления и ноты протеста, одно за другим. Тучи сгущались, недвусмысленно громохкая. Разряды молний сверкали всё ближе...

Но какое значение это имело в данный момент?

Сегодня транслировался финал планетарного чемпионата по Калари-паятту. Ярый поклонник древнего боевого искусства, генерал не собирался его пропускать. Пусть хоть вся Ойкумена накроется чёрным тазом или медной дырой! – так говорил его восьмилетний внук, путая эпитеты. В юности Бхимасена увлекался Калари-паятту, но увы – служба, годы, семья, дела... Он до сих пор втайне стыдился, что забросил тренировки – и рьяно болел за молодых спортсменов, словно пытался компенсировать этим собственную измену истинно брамайнскому единоборству.

Двое жилистых бойцов в набедренных повязках – киноварь против малахита – уже вышли на утопанную арену храма Калари. Они начали сходиться, когда сквозь восторг зрителей и пафос комментатора до генерала, словно из иной вселенной, долетел голос жены:

– Рама, тебя вызывают!

Генерал еле слышно выругался.

– Рама, это срочно! Красным мигает. Ответишь?

Бхимасена и сам расслышал требовательное вибрато уника. Сигнал набирал силу, пять-шесть секунд, и он накрыл собой весь дом. На кухне в панике задребезжала посуда. Срочно? Ничего подобного! Высший государственный приоритет. Вызов такого класса генерал получал третий раз в жизни. Первые два раза это не принесло ему ничего хорошего.

Тазом или дырой, финал накрылся. Потом можно посмотреть в записи, но...

– Генерал Бхимасена слушает!

Миг, и он вытянулся по стойке «смирно».

– Так точно! Вылетаю немедленно!

* * *

Аэромоб стремительно рухнул вниз. Если бы не компенсаторы инерции, генерала и пилота расплющило бы в лепёшку. Древние ремни безопасности, имейся они в машине, разрезали бы обоих пополам. С высоты белокаменная громада дворца походила на облако, спустившееся отдохнуть. Сверху облако золотили лучи жаркого чайтранского солнца. Падение, захватывающее дух, еле слышное подвывание антигравов, торможение – мгновенное, почти неощутимое – и дворец Майясабха вознёсся, навис над головами во всём своём подавляющем великолепии.

Выпустив шесть колёс, аэромоб перешёл в наземный режим и мягко коснулся пластифицированного нанобетона. Последний километр он проехал по подъездной аллее: в зоне безопасности дворца любые полёты были запрещены. Нарушителей сжигали из плазматоров без предупреждения. Исключение делалось только для личного транспорта махараджи.

Покрытие светло-розового цвета: идеально ровное, чуть шершавое. Живая изгородь по обе стороны аллеи. Благоухание соцветий: белых, пурпурных, алых. Генерал всякий раз забывал название этого растительного гибрида, выведенного ботаниками Чайтры по указанию Аурангзеба XXII Справедливого. Кроме декоративных, гибрид обладал целым рядом свойств, которые не афишировались: полезных – или, напротив, вредных и опасных, это с какой стороны посмотреть. На середине пути ряды одинаковых, словно клонированных пальм – каждая семь метров в высоту, и ни на палец выше – сменились рядами семиметровых араукарий-близнецов. Приближались арки и нефы, колонны и скульптуры, барельефы и резные панели стен. Бхимасена ясно видел их: крыша аэромоба была прозрачной. Генерал нервничал. За одно посещение Майясабхи, памятника архитектуры и зодчества, чуда из чудес Ойкумены, иной турист продал бы душу. Генерала красота дворца не успокаивала ни в малейшей степени. Он бы с удовольствием уступил своё место идиоту-туристу.

Караул замер у входа, следя, как гость поднимается по широким ступеням: муха на пхальгунском белом мраморе. Поправляя тюрбан, генерал украдкой скосил глаз на часовой браслет, вытатуированный на запястье. До назначенной ему аудиенции оставалось шесть с половиной минут. Генерал очень надеялся, что его ждёт сопровождающий, что шести минут им хватит, чтобы пройти (пробежать?!) по лабиринтам дворца до тронного зала махараджи.

Опоздал? Бросить его под ноги слонам!

Почистить зубы и воспользоваться дезодорантом он не успел. Явиться к махарадже, благоухая перегаром бренди и табака? Определённо не лучшая идея. Но заставить махараджу ждать – идея и вовсе самоубийственная.

– Генерал? Следуйте за мной.

Субедар-майор дворцовой стражи вёл его бесконечными коридорами. Мрамор, яшма, лазурит. Золочённые светильники холодной плазмы. Бхимасена почти физически ощущал, как утекает время его жизни. Металлодетектор. Четыре проверки личности: папиллярный идентификатор, сканирование сетчатки, комплексная антропометрия, блиц-анализ потожировых.

– Его величество ждёт вас.

Ждет, вздрогнул генерал. Ждёт?! Земля мне пухом!

– Вы проводите меня в зал?

– Нет.

Высокие двери распахнулись перед ним.

Тронный зал украшали орнаменты и мозаика благородных коричневых тонов. Панели были инкрустированы кусочками зеркал, создавая эффект звёздного неба. В нишах журчали искусственные водопады, стекая по рифлёным стенам. Двадцатиметровая ковровая дорожка цвета венозной крови, с золотой каймой по краям, упиралась в возвышение, на котором стоял

трон. Шагая по дорожке, Бхимасена знал, что находится под прицелом десятков камер и сканеров – и доброй дюжины стволов в руках лучших снайперов Чайтры. Шестерка гвардейцев личной стражи махараджи замерла вдоль стен. Их вполне можно было принять за искусно раскрашенные статуи. Меж гвардейцами стояли придворные со знаками царской власти: опахала из буйволовых хвостов, луки, мечи и желтые зонтики.

Три шага до подножья трона.

– Ваше величество! – Бхимасена опустился на колени, коснулся лбом ковра. – Генерал Бхимасена по вашему повелению прибыл.

Пауза. Тишина.

– Встаньте, генерал.

Встав перед тронном навтыжку, он осмелился взглянуть на повелителя всех брамаинских миров. Этикет это позволял, если не смотреть в упор. Махараджу генерал видел лишь однажды – когда ему, в числе других офицеров миротворческого контингента брамаинских ВКС, вручали Орден Благих Дел I степени за операцию на Астлантиде. Тогда махараджа предстал перед отличившимися офицерами в парадном мундире верховного главнокомандующего. Сегодня Аурангзеб XXII облачился в голубой шёлк. Золотой пояс блестел кровью рубинов. В центре чалмы, прямо надо лбом махараджи, ослепительно сиял знаменитый бриллиант Раджеш.

Лицо владыки приводило в трепет. Жёсткие скулы и подбородок, крючковатый нос. Тонкая полоска усов, брови сведены к переносице. Серо-стальные глаза глубоко запали. Бхимасена был не робкого десятка, но от взгляда махараджи его пробрал озноб.

– Мы вами недовольны, генерал, – дрогнули сухие губы.

Бхимасена молчал. Говорить ему не разрешили.

– Ваша операция с треском провалилась! Мало того, что мы не получили нашего антиса, теперь нам даже неизвестно, где он. Совет духовных лидеров прислал нам закрытое письмо. *Пока* закрытое, – махараджа отчётливо выделил слово «пока». – Ознакомьтесь, генерал.

В воздухе возникла сплюснутая голосфера. Поползли строки текста:

«Со всем подобающим почтением и заботясь исключительно о благе и процветании расы Брамайн, Совет духовных лидеров доводит до Вашего высочайшего сведения:

1. Как нам стало известно из заслуживающих доверия источников, юный брамаинский антис Натху Джутхани, аватара божественного Марути, был уведен с Ларгитаса в неизвестном направлении двумя неопознанными антисами, чьи волновые слепки отсутствуют в атласе Шмеера-Полански.

2. Нынешнее местонахождение Натху Джутхани неизвестно.

3. Ни ВКС Брамаинского Содружества, ни наши антисы не смогли – или не захотели помешать этому повторному похищению. Более того, никто даже не попытался следовать за Натху и его конвоирами, чтобы выяснить, куда они направляются. Гибель наших собратьев в ходе случившегося военного столкновения оказалась бессмысленной и напрасной.

4. Судя по имеющимся у нас сведениям, можно с большой степенью вероятности утверждать, что исследования технологцев Ларгитаса увенчались успехом, и созданные ими антисы отконвоировали Натху Джутхани в неизвестном направлении, чтобы помешать его возвращению на родину.

5. Совет духовных лидеров глубоко опечален как всеми этими фактами, так и полным бездействием светской власти.

6. Совет духовных лидеров настоятельно рекомендует предпринять незамедлительные и самые решительные меры:

а) По скорейшему выяснению методики, с помощью которой технологцам Ларгитаса удалось создать своих антисов, дабы использовать это бесценное духовное знание во благо расы Брамайн;

б) По скорейшему обнаружению и возвращению на родину Натху Джутхани.

7. Совет духовных лидеров хорошо понимает, что способы достижения этих целей могут быть самыми различными: от широкомасштабного военного конфликта до переговоров и мирного сотрудничества. Любой из способов, который приведёт в итоге к нужному результату, будет признан Советом духовных лидеров приемлемым и оправданным.

8. Совет духовных лидеров хорошо понимает, что обнародование вышеприведенных сведений было бы сейчас преждевременным. Однако никакую тайну невозможно хранить вечно. Если в самое ближайшее время не будут предприняты решительные и результативные меры по вышеназванным пунктам, утечка информации станет весьма вероятной, что может привести к нежелательным народным волнениям и иным потрясениям. Совет духовных лидеров не только стремится к духовному развитию расы Брамайн, но и желает процветания и стабильности всем мирам Брамайнского Содружества. Именно поэтому мы считаем своим долгом предупредить светские власти и Ваше Величество лично о возможных нежелательных последствиях промедления в этом исключительно важном деле.»

Над подписями стояла голографическая печать СДЛ: хорошо знакомое каждому брамайну стилизованное изображение чакры-глаза на фоне звёздного неба, каким его можно видеть с экватора Чайтры.

Подтекст послания был ясен даже не искущённому в иносказаниях генералу. «СДЛ не потерпит святотатства и оскорблений от техноложцев. Как власти допустили, что великое духовное знание, по праву принадлежащее брамаймам, оказалось в распоряжении грязных ларги?! Если власти Содружества и махараджа лично неспособны к решительным действиям, священный гнев брамайнского народа всегда к услугам Совета духовных лидеров. Нынешние власти обленились? Найдутся другие мантрины, а то и другой махараджа – те, что станут более чутко прислушиваться к чаяниям народа.»

На Аурангзеба XXII Справедливого за последние семь лет покушались дважды. Кто поручится, что в третий раз заговорщикам не улыбнется удача? Зона безопасности, охранные системы, личная стража – ничто не поможет, если удар будет нанесён из ближайшего окружения правителя.

– Мы великодушны, генерал. Мы даём вам ещё один шанс.

Бхимасена пал на колени.

– Мы не требуем от вас невозможного. Нас интересует результат. Скорейший результат! Ситуацией с Ларгитасом и их *предполагаемыми* антисаами, – махараджа сделал акцент на слове «предполагаемыми», – займутся другие. Ваше дело – Натху. Найдите его! И поторопитесь.

Генерал ударил лбом о ковёр.

Ну конечно, владыка не требует невозможного! Всего лишь надо отыскать пропавшего антиса на просторах Ойкумены. Раз плюнуть! Вы ведь руководите антическим центром, генерал? Значит, эта работа для вас!

– Вы всё поняли?

Это было разрешение говорить.

– Так точно, мой повелитель! Благодарю за высочайшее доверие. Будет ли мне позволено задать вопрос?

– Вам это позволено.

– Каким образом Совет духовных лидеров получил столь оперативную информацию о провале операции?

– Серьги, генерал.

– Серьги?

– Кое-кто из духовных лидеров сведущ в политике. Наши гуру, да продлятся их дни, меняют знаки посвящения на ряд полезных услуг от молодых офицеров. Серьги йогина, благо-

словения, священные шнуры. Это очень хороший товар, если покупатель молод, глуп и честолюбив. И это очень хорошие офицеры, они не медлят с докладом. Если надо, они не ждут милости от богов, а пользуются гиперсвязью.

– Я не понял...

– И не надо. Действуйте!

Взмахом руки махараджа завершил аудиенцию.

Стараясь не кричать, Бхимасена встал и попятился к выходу. Генеральская спина была мокрой от пота. Слоны откладывались, но вряд ли надолго.

II. Саркофаг

– Извините, вы модификант?

– Нет, я *под шелухой*.

Разговор напоминал беседу умалишённых. Человек, задавший вопрос – жилистый, загорелый мужчина – изобразил лицом удивление. Мимике ларгитасского посла позавидовал бы иной актёр. Не знай Гюнтер, сколько лет Николасу Зоммерфельду, он с равным успехом мог бы дать ему и шестьдесят, и все семьдесят пять – в зависимости от выражения лица и угла освещения.

Ровесник своей жены, доктора Ван Фрассен, Зоммерфельд в этом году отметил пятьдесят седьмой день рождения. Чепуха по меркам Ойкумены, в особенности – Ларгитаса, но выглядел посол скверно. Кожа обветрилась, покрылась морщинами, худоба граничит с измождением. Шаровары зелёного шёлка, рубаха подпоясана кушаком, жилет с вышивкой, колпак с меховой оторочкой – при сабле и кинжале, Зоммерфельд походил не на дипломата высокого ранга, а на бандита из костюмного исторического фильма.

Левую руку, затянутую в перчатку из тонкой кожи, он держал скованно. Повреждение нерва? Тогда зачем ему и сабля, и кинжал?

– *Под шелухой*? Что вы имеете в виду?

– Я – ментал. *Эмпакт*. Это значит...

– Эмпат активный. Я знаю, что это значит. Моя жена – ментал. Универсал высшей квалификации.

– Да, конечно. Я – кавалер пси-медицины.

– Диссертация?

– Готовлю баронскую...

Напротив стояло высокое зеркало в резной раме: золочёные переплетения листьев и виноградных лоз. Гюнтер взглянул на себя и чуть язык не проглотил. В зеркале отражался кавалер пси-медицины, гражданин просвещённого Ларгитаса: рогатый, мохноногий, парнокопытный. Козёл козлом. Кем еще мог счесть его посол, кроме как модификантом?

– Увы, – Гюнтер развел руками. Уши полыхали двумя кострами. – Таков мой облик в галлюцинаторном комплексе, он же вторичный эффект...

– Спасибо, я в курсе.

– Короче, в нём я сейчас и нахожусь. Собственно, мы все в нём находимся.

– В вашем галлюцинаторном комплексе?

– Не в моём! – подступило раздражение. Гюнтер еле сдержался, чтобы не нахамить послу. – В нашем общем. На изнанке бытия, если угодно. Разве госпожа Ван Фрассен вам не говорила?

Посол кивнул:

– Говорила. Но это всего лишь её гипотеза.

– Считайте, что гипотеза госпожи Ван Фрассен полностью подтвердилась.

– И как же тогда выглядит...

Зоммерфельд на миг замялся, подбирая слова:

– Как выглядит в обычной реальности *он*?

Посол указал на подпиравшего стену мрачного Натху. Макушка юного антиса на восемь сантиметров не доставала до потолка комнаты. Булава занимала весь угол целиком.

– В обычной реальности он мальчик четырёх лет.

В путаницу с возрастом сына Гюнтер решил не вдаваться. Зоммерфельд всё равно ему не верил, так какая разница?

– А он?

Указать на брамайна, невозмутимо восседавшего в углу, посол не решился. Лишь красноречиво посмотрел в его сторону.

– Мудрые разговаривают без посредников, – сообщил Горакша-натх, делая вид, что не имеет в виду никого конкретно. – На другой грани вселенской иллюзии мой облик не слишком отличается от здешнего. Разумеется, я не ношу на поясе кобру, а на плечах – шкуру. Но в целом...

Кобра зашипела на посла: чего уставился? Аскетов не видел?

– Но почему тогда все мы, – шипение кобры Зоммерфельд проигнорировал, – я, моя жена, сотрудники посольства, местные... Почему мы выглядим как обычно? Если мы находимся в галлюцинаторном комплексе, как вы утверждаете?

Гюнтер вздохнул:

– Это долгая история, господин посол. Объяснения потребуют времени. Желаете, чтобы я всё рассказал вам прямо сейчас? Или подождём, когда соберутся все?

– Вы правы, не стоит повторяться. Подождём остальных. А сейчас извините, вынужден вас оставить. У меня есть обязанности. Пожалуйста, не покидайте этой комнаты до моего возвращения.

– Мы под арестом?

– Ни в коем случае. Это моя просьба, и она касается вашей безопасности. Дверь не заперта, ваша свобода при вас. Еду вам принесут сюда. Санузел за той дверью.

Посол вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Щелчка не последовало: похоже, гостей и правда не заперли. Гюнтер откинулся на спинку продавленного кресла. Кресло встало на задние ножки, молодой человек чуть не упал на спину. Восстановив равновесие, он обвёл взглядом комнату. И это – посольство Ларгитаса, богатого и просвещённого? Драпировка стен – варварская роскошь! – выцвела, полиняла, а кое-где и протёрлась. Кресла знавали лучшие времена. Дверь скрипит. Ни визор-центра, ни узла связи, ни пультов управления светом, климатизатором, прозрачностью окон. Может, это они туземцев берегут, а? От цивилизационного шока?!

О цивилизационном шоке Гюнтер читал. Хорошо, туземцы. Но ведь в здании живут ларгитасцы! В запустении, упадке! От Ойкумены их отрезали, куча времени прошла, но порядок-то поддерживать можно? Аккуратист от природы, кавалер Сандерсон отказывался принять такое положение вещей.

– Хватики. Их хотят съесть?

После драки, закончившейся знакомством, Натху впервые подал голос. В голосе мальчика звучало беспокойство. Гюнтер расслышал и угрозу: «Пусть только попробуют!»

– Что за ерунда? – изумился Гюнтер. – Никто не станет есть твоих хватиков!

Натху промолчал, но было видно: мальчик не слишком доверяет гарантиям отца. Потянувшись и хрустнув могучими плечами, он направился к окну. Сгорбился, опёрся о подоконник. Кресло жалобно застонало, когда Гюнтер выбрался из него и встал рядом с сыном. Кончики рогов едва доставали до плеча Натху.

Растут дети, да.

С той стороны окна на кавалера Сандерсона смотрел город. Здания, украшенные резьбой и барельефами. Плоские крыши. Ажурные арки мостов. Выветрившиеся скульптуры: львы

держали в пасти человеческие головы, кони пытались взлететь. Далёкие башни, купола: храмы? дворцы? Фонтан на площади не работал. Всё, как и посольство, носило на себе следы упадка и запустения, всё было изгрызено зубами разрухи. Обшарпанные стены, штукатурка местами обвалилась, часть барельефов сколота. Мутные бельма давно не мытых окон. Гниёт палая листва. Ветер гонит по брусчатке грязные обрывки. Кожа? бумага? ткань? Людей не было, а те, что изредка появлялись, спешили шмыгнуть в какой-нибудь переулок. Гюнтер толком не успевал их рассмотреть.

Госпожа Ван Фрассен, мысленно воззвал Гюнтер. Что здесь у вас происходит? Он смотрел из окна на город, пыльный и безрадостный, а видел пустыню, руины, химеру с тремя телами. Видел огненного человека и женщину с флейтой.

* * *

– Гюнтер Сандерсон? Это действительно вы?

Со второй попытки Регине Ван Фрассен удалось подобрать флейту. Женщина сжала её в руках так, словно это было последнее сокровище, которое у неё собирались отнять.

– Да, госпожа Ван Фрассен. Извините, я сегодня плохо выгляжу.

Губы женщины тронула улыбка: сухая, нервная. Время, проведенное под Саркофагом, не пощадило Регину. Гюнтер помнил её по той последней встрече, да ещё по снимкам, которые, бывало, разглядывал, мучаясь бессонницей, не в силах избавиться от нервного напряжения после рабочего дня. Да, она должна была постареть за эти годы, но не так же! Тонкие руки флейтистки загрубели под солнцем неприветливого мира. Лицо изрезали морщинки – мелкие, как следы песчаных бурь на выветренном камне. Некогда каштановые, а ныне пепельные волосы были коротко острижены и убраны под круглую, расшитую бисером шапочку. Длинный, до колен, жакет блестел тёмным малахитом. Лиловые мужские шаровары заправлены в сапоги из мягкой кожи. На поясе – длинный прямой кинжал в ножнах, украшенных серебром.

– Значит, я всё-таки была права!

– Простите, вы о чём?

Это сон, сказал себе Гюнтер. Я стою под Саркофагом, в яйце, которое двадцать лет били-били, не разбили. Стою в компании сына-антиса, террориста-брамайна и стаи криптидов. Беседую с доктором Ван Фрассен, мир её энергичному праху.

– О том, что вокруг – вторичный эффект Вейса. А нашу, привычную реальность от нас отсекло.

– Что отсекло?

– Не что, а кто, кавалер Сандерсон. Вы кавалер или уже барон?

– Кавалер, – Гюнтер зарделся.

– Это я её отсекла, кавалер. Иначе мы бы все погибли. Впрочем, тогда я не вполне понимала, что делаю. Просто очень жить хотелось... Вы пришли за нами?

Ну конечно! Они тут целую вечность лет ждали, что за ними придут! Взломают Саркофаг, вытащат, вернут домой... Уже и надеяться перестали, и вдруг появляемся мы – посланцы из внешнего мира!

– Мне очень жаль, госпожа Ван Фрассен.

– Регина. Просто Регина, без госпожи.

– Мне очень жаль, Регина. Мы всего лишь беглецы. Мы здесь случайно, – Гюнтеру больно было произносить эти слова. – Ох, простите! Я не представил моих спутников.

Этикет, думал он, знакомя доктора с сыном и брамайном. Нормы приличия. Я цепляюсь за них, как за последнюю ниточку, что связывает меня с привычной жизнью. Хрупкая опора, но уж какая есть.

– Артур Зоммерфельд, – представила доктор человека-из-огня, когда пришёл её черед проявить вежливость. – Мой сын.

– Зоммерфельд?

– У него фамилия отца. Артур, он некоторым образом джинн. Вы только не удивляйтесь, хорошо? Здесь происходит много необычного.

Артур к тому времени окончательно перестал полыхать. Лишь под кожей кое-где рдел жар, подобно углям под слоем пепла. Ровесник кавалера Сандерсона, атлетически сложенный – Гюнтер ощутил укол зависти – Артур был полностью обнажён и нисколько этого не стеснялся. Смотрел он на Натху, и только на Натху, словно они остались вдвоём на целой планете. Натху отвечал джинну таким же мрачным взглядом.

– Я не удивляюсь.

Гюнтер запоздало осознал, что не соврал ни на йоту. Похоже, лимит удивления был исчерпан.

– Фрида, моя химера.

Фрида сменила ипостась на козью, но при этом продолжала по-кошачьи тереться о ноги хозяйки. Пришельцы химеру не интересовали.

– Беглецы? – доктор Ван Фрассен нервно сжала флейту. – Я не стану спрашивать, от кого вы бежите. Меня больше интересует, как вы сюда попали?

– В целом, из космоса. Мы двигались *под шелухой*. Извините, я сам всё это плохо понимаю.

– Из космоса?

В отличие от Гюнтера, доктор ещё сохранила способность удивляться.

– Да. То, как вы нас видите – это, в сущности, наши волновые тела. Понимаете, мой сын некоторым образом антис.

– Антис? Сегодня день сюрпризов!

– Я, мой сын и этот брамайн... Мы некоторым образом, – чудной оборот привязался накрепко, – коллант, коллективный антис. А может, просто коллектив из трех антисов, мы ещё не проверяли.

– Коллектив, значит. А эти тоже с вами? В коллективе?

Госпожа Ван Фрассен указала на криптидов. Стая опасливо жалась позади Натху.

– Криптиды?

– Как вы их называли?

– Криптиды. Флуктуации континуума, если не ошибаюсь, первого класса. Хищные, но симпатичные. Вы не волнуйтесь...

Флейтистка улыбнулась:

– Я не волнуюсь. Вы тоже мне симпатичны, Гюнтер. Вы так мило вешаете лапшу на уши! Антисы? У нас, техноложцев, не рождаются антисы. Кстати, флуктуации не могут спускаться на планеты. Прочесть вам курс начальной космобестиологии?

Я ей завидую, подумал Гюнтер. Для неё всё разложено по полочкам: могут, не могут.

– Да, вы правы, – он шагнул к женщине. – Мы невозможны. А отсесть физическую реальность от галлюцинаторного комплекса – возможно? Одним ментальным усилием, а?!

– Уели, – честно призналась флейтистка. – Тут вы меня уели, кавалер, спору нет. Значит, флуктуации? Вы уверены?

– Абсолютно!

Госпожа Ван Фрассен зашлась хохотом.

– Флуктуации! – с трудом выговорила она между приступами смеха. – А мы-то, мы, дураки дурацкие... Мы же их едим!

III. Ларгитас

– О чем я думаю? – спросил Фрейрен.

Линда пожала плечами:

– О том, что я говорю правду? Это было бы лучшим вариантом.

Без труда, в течение доли секунды, она могла бы узнать, о чём думает Зигмунд Фрейрен, начальник отдела внутренних расследований службы Т-безопасности. Могла бы, несмотря на блокаду, защищавшую рассудок Фрейрена. Как ментал, Линда Рюйсдал была вдесятеро сильнее любого начальства. Черт возьми, она была сильнее еще тогда, когда мелкой соплюшкой училась в интернате, а Фрейрен ходил в старших инспекторах, не претендуя на высокие посты. В те годы его главной обязанностью было изъятие детей-телепатов из семей, а также давление на родителей, оказывавших безрассудное сопротивление.

Чтение мыслей руководства? Без разрешения, оформленного надлежащим образом?! В Т-безопасности это деяние квалифицировалось как уголовное преступление с отягчающими обстоятельствами. Рискуя Линда, соверши роковую ошибку, и ей было бы гарантировано пожизненное заключение в спецтюрьме для узников, обладающих ментальными способностями. Трехразовое полноценное питание, спортзал, видеотека, прогулки, камера-одиночка (ионный душ, санутилизатор, средства гигиены) – и, вишенкой на торте, ежедневные инъекции «Нейрама плюс». Кси-контроллер двенадцатого поколения применяли к телепатам-преступникам сразу же по вынесении приговора. «Нейрам» подавлял кси-ритмы мозга, ослабляя ментальную деятельность до безопасного минимума. У телепатически одарённых детей, не прошедших курс социализации, он снижал шанс воздействовать на окружающих – в шутку или всерьёз, неважно. Сроки приёма «Нейрама» рассчитывались интернатскими медиками для каждого пациента индивидуально, иначе ребёнок рисковал впасть в каталепсию. Взрослым, если речь шла о Т-преступниках, срок ограничивали только сроком пребывания за решёткой. Препарат с отметкой «плюс» не имел побочных действий в виде каталепсии. Инструкция утверждала: безопасен для постоянного применения. Тот факт, что двадцать восемь процентов заключенных, ходивших под «Нейрамом плюс», лишались рассудка уже в первый год заключения, а ещё девять процентов находили способы покончить с собой, списывался на конфликт тюремных реалий с хрупкой психикой менталов.

– Вы мне не верите? – спросила Линда.

Фрейрен отмахнулся:

– Верю. Вам я верю целиком и полностью. Но я человек, и вы человек. Людям свойственно ошибаться, впадать в крайности, принимать желаемое за действительное. Обвинение, выдвинутое вами против господина Бреслау, слишком серьёзно, чтобы мы удовлетворились слепой верой.

– Чего вы хотите?

– Сбросьте мне вашу энграмму. Я сам ознакомлюсь с воспоминанием.

– Вы даёте разрешение на контакт наших разумов?

– Даю.

Огромная рука потянулась к сенсорной панели. Палец лег на красный огонёк. Красный сменился зелёным, но этим панель не удовлетворилась – из нее выдвинулась мини-камера на гибком стебельке-манипуляторе. Лицо Фрейрена, круглое как луна, отсняли в шести различных ракурсах, после чего камера убралась в гнездо.

Прозвучал зуммер: разрешение зафиксировано.

– Ну? – нетерпеливо буркнул Фрейрен.

Сформировав чувственный образ, Лина отпасовала его начальству.

На полу вздувается глянцевый волдырь, вздувается и лопаётся.

– Натху, стой! – кричит кавалер Сандерсон. – Назад!

Из пузыря наружу прыгает мальчик. Отца мальчик не слушает.

Не слушается.

– Вернись в детскую!

Понял, вопит Натху во всю мощь своего разума. Понял! Не боюсь!

– Натху! Вон отсюда!

– Ну, допустим, – пробормотал Фрейрен. – Смотрим дальше.

– Этого вам мало?!

– Мало.

Давит, отметила Линда. Как всегда. Он иначе не умеет.

Давить Фрейрену было чем – его габариты приводили неискушенного зрителя в трепет. Свитер из серой шерсти с красными оленями, который связала ему Линда на позапрошлый день рождения, туго обтягивал тушу гиппопотама. Под свитером Фрейрен скрывал пояс с антигравитационными поплавками – иначе он не сумел бы сделать и шага. Согласно распоряжениям медиков, пояс облегчал вес Фрейрена на треть, чтобы мышцы – а главное, сердце! – окончательно не отвыкли справляться с нагрузкой. Оставшихся двух третей хватало, чтобы Фрейрен начинал пыхтеть, пройдя от стола к двери.

В юности он был борцом, в зрелости напоминал борца, утратившего форму. Сейчас же форма развеялась как дым, а от борца не осталось и напоминания. Диета? Физкультура? Медикаментозная коррекция? Хирургическое удаление жира? Бесполезная трата времени и сил. Врачи по сей день спорили, какой вид гипоталамического синдрома вызывает такие резкие нарушения метаболизма. Линда уверяла себя, что её собственный лишний вес не связан с проблемой Фрейрена – ей вовсе не хотелось с годами превратиться в неподъемную грудку жира.

Впрочем, взгляд начальства оставался острым, а голос – звучным и требовательным.

– Смотрим дальше, – повторил Фрейрен.

...пузырь лопается, исторгает из себя обезьяну. Ловкая, быстрая, с собачьей головой, обезьяна скалит острые клыки. Прыжок, и зверь повисает на плечах брамайны, словно голодный самец-бабуин на детёныши антилопы. Металл наплечников лопается под напором хищных челюстей. Хлещет кровь, кипящая от чувств, мыслей, переживаний, но наземь падают разве что редкие капли.

Обезьяна пьёт, давится, глотает.

– Это не ваше воспоминание.

– Да, не моё.

– Где вы его взяли?

– Я подцепила эту заразу во время свалки. Полагаю, это энграмма одного из налётчиков. Не сомневайтесь, всё было именно так. Вот моё персональное воспоминание. Я специально начала с чужой энграммы, чтобы вы имели возможность сравнить.

С минуту Фрейрен молчал, изучая два воспоминания: личное и подхваченное. Минута – это очень, очень долго. Линда не знала, как толковать такую задержку – в свою пользу или наоборот. Дерзкая и насмешливая со всеми, включая любимого мужа, в присутствии Фрейрена она терялась, хотя и старалась не подавать виду. Только Регина Ван Фрассен, школьная подруга, умела держать Фрейрена на расстоянии – единственный человек, которому Линда завидовала в этом смысле.

– Это ничего не доказывает, – наконец произнесло начальство.

– Смеётесь?

– Я абсолютно серьёзен.
– Мальчик был *под шепухой* во время нападения на бункер!
– Он антис.
– Антисы опускаются *под шепуху* только во время взлёта! Это означает выход в большое тело!

– Он и взлетел.
– Позже!
– Это всего лишь ваши домыслы. Мы не знаем, как взлетают антисы. Мы о них вообще ничего не знаем. Возможно, процесс старта способен затянуться по внутреннему времени. Что же до времени внешнего, его и так прошло очень мало.

– Он сосал эмоции жертвы! Он эмпат!
– Вам могло померещиться. Адреналин – штука коварная.
– Хорошо, мне померещилось. А брамайну? Я не зря скинула вам обе энграммы. Брамайну тоже померещилось?!

– И это возможно. Но даже если вы правы... Сосал эмоции? Мальчик несколько лет прожил в стае флуктуаций. Да, он сосал человеческие эмоции, и не только эмоции. Последствия нам известны. Если он начал выход в большое тело, если пошёл на взлёт – почему бы ему не вернуться к старым привычкам? Нет, энграммы ничего не доказывают.

– Мальчик – ментал! Он был менталом всё время, которое провёл в бункере!
– И ни разу не раскрылся перед вами?
– Я не отслеживала...
– А перед отцом? Кавалер Сандерсон – сильный эмпат. У него большой опыт работы с трудными подростками.

– Я уверена, что отец знал. Знал и скрывал.
– С мёртвых спрос невелик.
– А с живых?
– Для обвинения такого уровня энграмм недостаточно.
– Вы должны потребовать, чтобы память господина Бреслау принудительно отсканировали. Вскроются факты...

– Предположим, я добился принудительного сканирования. И оно показало, что Ян Бреслау ни сном ни духом не знает о ментальных способностях Натху Сандерсона. Мы голословно обвинили адъютант-генерала Бреслау, начальника особого отдела научной разведки. Как это скажется на моей карьере? На вашей?!

Фрейрен наклонился вперед:

– А если нас обвинят в измене? В шпионаже?! Скажут, что обвинение было уловкой? Что целью сканирования было похищение ряда государственных тайн с целью переподдачи их врагу? Брамайнам, например?! Да голова Бреслау просто нафарширована этими тайнами! Комиссар Рюйсдал, вы готовы рискнуть?!

У Линды затряслись руки. Ты зашла слишком далеко, сказала она себе. Подруга, ты в опасных краях. Тут водятся драконы. Мальчик сбежал, его вряд ли поймают. Кавалер Сандерсон погиб. Что у тебя есть, кроме твоего слова и комплекта сомнительных воспоминаний? В ответ по тебе шарахнут из самых тяжёлых орудий. В ход пойдёт всё: компромат, провокации. Отступить? Да, пожалуй. Отступление – наилучший выход...

Всё существо Линды Рюйсдал, вся её буйная натура противилась такому решению. Мастер работать с чужими эмоциями, Линда с трудом управлялась со своими собственными.

Взвизгнул зуммер служебного коммуникатора. Срочно, поняла Линда.

– Обождите, я быстро...

Фрейрен включил конфидент-поле. Линда видела, как шевелятся его губы, отвечая на вызов, но не слышала ни слова. Смешно, конечно: от ментального вторжения конфидент-поле

не защищало. Два пожизненных вместо одного? Линда с трудом сдержала истерический смех. Она бросила все, оставила подопечного в бункере, точнее, в наскоро оборудованном лагере-муравейнике, которым стал бункер после атаки брамайнов; рванула к Фрейрену, не думая о последствиях, уже в дороге отправила заявку на срочную встречу... Стоп! Ты оставила Бреслау, подруга! Оставила на произвол судьбы, забыв о своих обязанностях. Словно наяву, Линда увидела Скорпиона, идущего по лагерю. Если наемный убийца клана Сякко решит навестить Бреслау в ее отсутствие, никто не сможет остановить сякконца. Голова подопечного нафарширована государственными тайнами? Подопечный оставлен без защиты?!

Три пожизненных. Четыре. Десять.

Смертная казнь слишком гуманна: раз, и всё. Ты рассчитывала дожить до глубокой старости, Линда Рюйсдал? Боялась располнеть сверх меры? Так, что никаких оленей не хватит тебе на свитер? Ты состаришься и располнеешь за решеткой, под вечным «Нейрамом плюс». Тебе подберут оранжевый комбинезон по размеру. И покончить с собой тебе не дадут, уж поверь! Останется лишь надеяться на безумие. Двадцать восемь шансов из ста? Не самый плохой вариант...

– Конец связи.

Фрейрен отключился. Конфидент-поле растаяло, *начвинур*, как звали Фрейрена сослуживцы, пристально глядел на Линду. Взгляд его ясно говорил, что разговор состоялся, и комиссару Рюйсдал было уделено в разговоре должное внимание.

– Вы знакомы с доктором Йохансоном?

– Да.

– Вы в курсе, что он – один из постоянных экспертов Бреслау?

– Да. Дело яхты «Цаган-Сара», охота на Отщепенца...

– Вы в курсе, что доктор Йохансон контактировал с кавалером Сандерсоном?

– Да. Я видела их встречу.

– Лично?

– Нет, трансляцию.

– О чём они беседовали?

– О мальчике. Кавалер Сандерсон пичкал сына позитивом. Они с доктором Йохансоном обсуждали состав эмоциональных коктейлей. Состав, дозировку... Кавалер Сандерсон отмечал прогресс в поведении ребёнка.

– Какой?

– Раньше мальчик отвечал отцу изменением позы. Со временем его реакции стали естественней. Сбросить вам воспоминание?

– Не надо. Во время их встречи вы были рядом с Бреслау?

– Разумеется. Мы находились в его кабинете.

– Он вам предлагал подслушать разговор Йохансона с Сандерсоном? Я имею в виду ментальный план?

– Да.

– Вы ему отказали?

– Что за дичь! – взорвалась Линда. Нервное напряжение требовало выхода, и она пустила направленный взрыв по безопасному каналу. – Вы прекрасно знаете, что я ему отказала! Любой на моем месте отказал бы!

– Извините, – буркнул Фрейрен. – С языка сорвалось. Вы ответили отказом, в этом у меня нет сомнений. Я прошу еще раз извинить меня. Но уже не за то, что оскорбил вас подозрением. Я прошу прощения совсем за другое...

– За что же?

– За то, что не поверил вам сразу. Мальчик – ментал, вы были правы.

– Вам звонил доктор Йохансон? – догадка, едва возникнув, превратилась в уверенность. – Он рассказал вам, о чем они говорили с Сандерсоном на ментальном уровне?!

Фрейрен отрицательно мотнул головой. Блики от лампы дневного света играли на бритом черепе *начвнура*. Сейчас Фрейрен напоминал святого, страдающего водянкой.

– Нет, мне звонил не Йохансон. Мне звонил Ансельм Лонгрин.

– Реаниматолог?

– Да. Он тоже входит в команду экспертов Бреслау.

– Лонгрин – ваш осведомитель?

– Ну почему сразу осведомитель? В молодости Лонгрин прошел обучение на Сякко. Как вам известно, все менталы Ларгитаса, получившие сякконское образование, являются внештатными сотрудниками службы Т-безопасности. Об этом их предупреждают еще до отлета на Сякко. Те, кто не соглашаются...

– Никуда не летят, – съязвила Линда.

– Именно так. Никуда не летят. А те, кто летит, прилетают нашими внештатниками.

– Что сообщил вам Лонгрин?

– Что доктор Йохансон изучал параллели между спектрограммой антиса, находящегося в большом теле, и ментограммой телепата, находящегося в активном состоянии. Он разослал другим экспертам ряд спектрограмм разных антисов, коллантов и флуктуаций...

– Он разослал им волновые слепки фагов?!

– Доктор не сказал коллегам, чьи это слепки. Он солгал, заявив, что это вообще не слепки, а ментограммы, записи деятельности мозга разных людей и животных. Все спектрограммы, кстати, были из открытых источников. Так что формально Йохансон не разгласил никаких секретов. Для достоверности он подмешал туда ряд настоящих ментограмм ларгитасских телепатов, включая свою собственную.

– Что сказали эксперты?

– Эксперты, в том числе и Лонгрин, ни на минуту не усомнились, что во всех случаях имеют дело с ментограммами. Кретины! Им даже не пришло в голову проверить источники записей! Волновой слепок антиса они отметили как мозг, обладающий сильными ментальными способностями, но с отклонениями от нормы. Волновой слепок колланта – как коллективное сознание группы менталов слабого уровня. Слепки флуктуаций классифицировались как нечеловеческая мозговая деятельность.

– Ваш честный парень Лонгрин тоже не стал проверять?

– Нет. Он реаниматолог, а не следователь прокуратуры. Но тут, на наше счастье, доктор Йохансон не выдержал. Ему захотелось признания, аплодисментов. Он встал в позу и сообщил коллегам о сути розыгрыша. Согласно гипотезе доктора, сходство антисов и менталов принципиально, что открывает нам новое понимание эволюции. Лонгрин проникся величию момента и пересмотрел список заново, уже внимательней...

– И что?

– В списке присутствовали ментограмма Гюнтера Сандерсона и волновой слепок Натху Сандерсона. Лонгрин опознал слепок мальчика – как эксперт Бреслау, он работал с ним ещё тогда, когда Бреслау только ловил парня в открытом космосе. Ментограмму Сандерсона он тоже опознал, несмотря на анонимность. Затем сложил факты один к одному: доктор Йохансон работает с юным антисом, доктор встречался с кавалером Сандерсоном по просьбе Сандерсона, у доктора проснулся живейший интерес к сходству антисов и менталов...

– Это шаткие доказательства.

– О, вы заговорили совсем как я! Да, шаткие, если сами по себе. Но вкупе с вашим заявлением, подкрепленным рядом воспоминаний... Это совсем другое дело, комиссар. Если я выясню, что Бреслау действительно скрыл от нас факт ментальной одаренности ребёнка, что Натху Сандерсоном должна была заниматься не научная разведка, а Т-безопасность...

Глаза Фрейрена сверкнули чёрным огнём:

– Скорпион?

Начвнур привстал. Казалось, он сбросил тридцать лет и сто пятьдесят килограммов, готовясь вновь выйти на борцовский ковёр.

– Господин Бреслау тысячу раз пожалеет, что им занялся я, а не Скорпион.

Десять пожизненных отменяются, поняла Линда. Начинается славная потасовка. Радуйся, подруга. Гиппопотам на твоей стороне, о большем нельзя и мечтать.

IV. Саркофаг

– Ваш обед.

В дверь со скрипом протиснулся бородач неопрятного вида. Спецовка вылиняла до белизны, ветхие штаны с заплатами на коленях – одежда висела на бородаче, как на вешалке. То ли она была с чужого плеча, то ли мужчина катастрофически похудел за последние годы. В руках он держал поднос с грубыми керамическими мисками. Над мисками стоял густой пар. На краю подноса лежала низенькая стопка лепёшек.

Ровно три лепёшки, по числу мисок.

Опустив поднос на столик посреди комнаты, бородач с неприятным любопытством оглядел присутствующих и молча удалился. Гюнтер подтащил к столику кресло, но стол оказался слишком низким, а кресло – слишком продавленным. Махнув рукой на приличия, кавалер Сандресон уселся прямо на пол.

– Натху! – позвал он. – Иди обедать.

Натху с сомнением взглянул на угощение, шумно потянул носом.

– Еда, – констатировал мальчик.

Одним махом он опрокинул в рот содержимое своей миски. На горле дёрнулся огромный кадык, и Натху целиком запихал в рот лепёшку, после чего вернулся к окну. Брамайн унёс свою порцию в угол, где пристроился у другого столика – совсем миниатюрного, две ладони от пола.

Гюнтер остался в одиночестве.

Суп был овощной, жидкий, с редкими бледными кубиками какого-то корнеплода. Картошка? Спасибо, хоть пряностей не пожалели. Гюнтер макал в суп чёрствую лепёшку, кусал, хлебал... Стейк, думал он. Слабой прожарки. Отбивная. Шницель. Тушёнка. Мяса хочу! Увы, судя по рассказу доктора Ван Фрассен – да и по виду ларгитасцев, включая господина посла – с питанием под Саркофагом дело обстояло скверно.

«Флуктуации? – сказала Регина. – А мы их едим!»

Выходит, криптиды – не первые волновые порождения континуума, которые забрели сюда? Выходит, раньше обитатели Саркофага не догадывались, что это флуктуации? До чего должны дойти люди, чтобы начать есть неведомых монстров?!

– Что такое колланта? – спросила его доктор Ван Фрассен, когда они шли от руин к городу.

Ну да, сообразил кавалер Сандерсон. Она же была на Шадруване, когда Ойкумену облетело известие об эпохальном открытии: создании первого коллективного антиса! Она ничего не знает! Гюнтер задумался, что это значит – выпасть из Ойкумены на целых двадцать лет? Для него это была почти вся сознательная жизнь.

– Рассказывайте, – доктор правильно оценила его задумчивость. – Сколько успеете. Без системы, подряд, что вспомните. Я внимательно слушаю.

И он заговорил. Колланта, рождение Натху, противостояние Ларгитаса и брамаинов... «Ты давал подписку! – рявкнул издали разгневанный Тиран. – Это государственная тайна!» Тайна? Подписка? Гюнтер едва не расхохотался. Идите в задницу, милейший господин Бре-

слау! Атака на лабораторию, бегство на Шадруван – рассказ длился, пока перед ними не выросла стена из тёсаного камня.

Высокие ворота были заперты.

– Ваши криптиды, – доктор Ван Фрассен остановилась. – В посольстве есть подземный ангар. Сейчас им не пользуются. Запрём криптидов там.

Гюнтер кивнул. Идея жить со стаей в одной гостевой комнате – а даже в двух! – его не вдохновляла.

Женщина что-то выкрикнула на незнакомом языке, громко и повелительно. Лязгнул металл, за стеной раздался натужный скрежет. Ворота начали медленно открываться.

– В посольство пойдём через Конюшенные ряды, – предупредила Регина. – Там сейчас никто не живёт. Чем меньше людей вас увидит, тем лучше.

За воротами ждали шестеро дикарей в конических шлемах, обмотанных тряпками, и мятых латах поверх стёганных халатов. Таращась на пришельцев, дикари судорожно сжимали копья. Не было нужды прибегать к эмпатии, чтобы понять: стража разрывается между двумя желаниями – броситься наутёк и пригвоздить гостей к створкам ворот. Сдерживало их лишь присутствие флейтистки.

Она права, вздохнул Гюнтер. Чем меньше людей нас увидит, тем лучше.

– Не беспокойтесь, они вас не тронут. Я сказала, что вы со мной. Ах да, забыла представиться, – доктор печально усмехнулась. – Аль-Сахира Химаятан, к вашим услугам.

– Аль-Сахира?

– Волшебница-Охранительница на унилинге, официальный титул. Идите за мной и не отставайте.

Потянулись переулки и закоулки. Мелькнула меж домами площадь с неработающим фонтаном. К посольству они вышли «с тыла». Чёрный вход открыл дворник из туземцев, как сперва решил Гюнтер. Дворник оказался чрезвычайным и полномочным послом Зоммерфельдом. Муж? Из биографии доктора Гюнтер в своё время прочёл всё, что смог найти в открытых источниках. Доктор Ван Фрассен не была замужем. И детей у неё не было. Посол с доктором зарегистрировали брак уже здесь, на Шадруване, но фамилию доктор оставила девичью. Артур, джинн он или кто – сын Зоммерфельда от первой жены. Судя по всему, Регина усыновила мальчика, потерявшего мать.

Гулкий ангар под зданием посольства. Четверка аэромобов, мохнатых от напластований пыли. Машинами не пользовались лет десять, если не больше. Натху стоило немалого труда загнать криптидов в ангар. Потом мальчик не хотел оставлять «хватиков» одних. Потом...

...Ложка скрежетнула по дну миски. Эхом прозвучал голос молчавшего доселе брамайна:

– Утратить надежду – утратить всё.

– Что?

– Они отчаялись. Мне жаль их. «Смущение, отчаяние, волнение – тот, кто свободен от этих пороков, свободен воистину!»

Цитата, понял Гюнтер. Когда что-то говорил брамайн, ему сразу хотелось возразить.

– С чего вы взяли?!

– Вот, – брамайн обвёл рукой комнату. Провёл пальцем по столу, продемонстрировал Гюнтеру грязный след. – Допустим, автоуборщик сломался. Иссакли аккумуляторы. Но ведь можно взять веник и подмести? Так делают те, кто надеется. Те, кто опустил на дно, не убирают за собой.

Скрипнула дверь.

– Все собрались, – объявил посол Зоммерфельд. – Идёмте.

* * *

– Позвольте представить вам наших гостей из внешнего мира...

Я в зоопарке, сказал себе Гюнтер. В вольере для экзотических зверей, по другую сторону силового барьера. На кавалера Сандерсона, не испытывая ни малейших стеснений, глазели три десятка человек. Именно столько собралось в зале для совещаний. Роль вольера выполнял стол президиума, за который и усадили гостей. Натху сесть не захотел – опасался за хлипкую на вид мебель. Мальчик опять подпирал стену, нависая над залом, и недружелюбно пялился на посетителей импровизированного зоопарка.

Посетители отвечали ему взаимностью.

Мужчины и женщины. Искудавшие, осунувшиеся. Затрапезные комбинезоны и спецовки техников. Костюмы и платья, давно вышедшие из моды на Ларгитасе. Цветастые варварские одежды. Шаровары, рубахи, кафтаны, накидки. Оружие: ножи, кинжалы, сабли.

У двоих – лучевики.

В первом ряду, напротив кавалера Сандерсона, сидел Артур Зоммерфельд. Нет, не голышом. Ещё по дороге в город парень вытащил из-под приметного валуна шаровары и вышитую безрукавку. Обувь и головные уборы Зоммерфельд-младший, похоже, не признавал. Когда Артур вспыхивает, пояснила доктор Ван Фрассен, одежда на нём сгорает. Он раздевается загодя, если знает, что придётся *зажигать*. Случается, ходит нагишом по улицам – местные привыкли, джинну прощается многое.

– ...Горакша-натх с планеты Чайтра, – закончил представление господин посол.

– Какого фага?!

– Что здесь делает грязный энергет?!

– Откуда они взялись?!

– Это они, что ли, пришли *снаружи*? Вот эти?!

– Они издеваются?!

– Спасательная экспедиция? Это паноптикум!

– Тише! Дамы и господа, тише!

Густой баритон посла накрыл зал. Возгласы смолкли, остался лишь глухой ропот.

– Наши гости ответят на все ваши вопросы. Нет, это не спасательная экспедиция. Тише, я сказал! Вы хотите получить ответы?

– Они люди?! – выкрикнули сзади.

– Люди, – доктор Ван Фрассен выступила вперёд. – Такие же, как мы с вами.

Кажется, послу не понравилось вмешательство жены, но он тактично не стал ей мешать.

– Так наши гости выглядят в галлюцинаторном комплексе. До их прихода я уже излагала вам свою гипотезу, не правда ли?

– Бред!

– У нас что, у всех галлюцинации?!

– Я телепат, и вам это хорошо известно, – в голосе доктора прорезался металл. – Я знаю, что такое галлюцинаторный комплекс, и знаю, что говорю. Кавалер Сандерсон – мой коллега, ментал. Я купировала ему инициацию на Ларгитасе. Уважаемый Горакша-натх – энергет высокой квалификации. Натху Сандерсон... Да-да, именно он – антис. Антис, зачатый отцом-ларгитасцем. Мне надо объяснять, кто такие антисы?

Зал потрясённо молчал.

– Они пришли из космоса. В волновых телах, как вы их сейчас и видите. В обычной реальности они выглядят как мы с вами. Но мы с вами – не в обычной реальности. Облики наших гостей – лучшее тому подтверждение.

Тишина. Лишь жужжала и билась о стекло одинокая муха.

– Они пришли...

Женщина из второго ряда, бледная до полупрозрачности, походила на тень. Ей не хватило воздуха завершить фразу. Она сглотнула и закончила:

– Они пришли за нами?

– К сожалению, нет, – вернул себе инициативу господин посол. – Наши гости попали к нам случайно.

– Но они же прошли! – бородач, принесший гостям еду, вскочил на ноги. – Прошли сюда! Значит, есть путь! Они смогут вывести нас отсюда!

Во взгляде бородача горело столько ожидания, что у Гюнтера защемило сердце. Проклятье! Ну почему он?! Почему именно он должен отнять у этих несчастных вновь затеплившуюся надежду? Отобрать, разбить вдребезги, разорвать в клочья?

Гюнтер встал. Оперся руками о стол. Впервые на его памяти выражение «все затаили дыхание» соответствовало действительности буквально.

– Мы едва не погибли, когда шли сюда, под Саркофаг. Я не знаю, сумеем ли мы вернуться обратно. Боюсь, нам никого не вывести за собой. Если вы не могли пройти пустыню раньше, не сможете и сейчас. Простите меня, я – дурной вестник...

– Саркофаг?! Он сказал – Саркофаг?!

– Они нас похоронили!

– Не можете вывести? Убирайтесь!

– Какого рожна вы здесь?!

– От них будут проблемы!

– Убирайтесь!

– Большие проблемы! Попомните мои слова!

– Два монстра и грязный энергет! Вон!

В руках Гюнтера возникла раковина. Накрыть зал паникой? Пусть бегут прочь? Какая-то озлобившаяся часть кавалера Сандерсона, о существовании которой Гюнтер и не подозревал, страстно желала этого. Монстр? Будет вам монстр!

– Дамы и господа! Постыдитесь!

Доктор Ван Фрассен стояла рядом с Гюнтером, вся – натянутся струна. Пальцы доктора нежно оглаживали серебряную флейту, в точности так же, как пальцы кавалера Сандерсона гладили тёплый перламутр раковины. У ног женщины сидела Фрида в барсовой ипостаси – откуда и взялась? – и умывалась розовым языком.

Вопли смолкли. Люди подались назад. В глазах собравшихся плескался ужас, как если бы раковина с флейтой уже сыграли в унисон. Публика с удовольствием сбежала бы с этого концерта, но каждый понимал: вскочить с места означает привлечь к себе особое, персональное внимание женщины с флейтой и козлоногого сатира, похожих больше, чем мать и сын.

– Спасибо за понимание, – поблагодарила доктор в мёртвой тишине. – Рада, что мы поняли друг друга.

Раковина, отметил Гюнтер. Она исчезла.

– Очень вкусный суп, – Натху лениво перебрал булавку с одного плеча на другое. – Хочу добавки!

Гюнтер решил, что сын научился говорить тонкими намёками. Но в зале, похоже, слова ребёнка поняли буквально.

– Сейчас! Я принесу!

Бородач-разносчик снова вскочил. Губы его тряслись:

– На кухне осталось...

Протолкавшись меж рядами, он бегом бросился к дверям – и те распахнулись перед ним, как если бы сработал датчик движения. Автоматика кое-где ещё действует, подумал Гюнтер

– и ошибся. В дверях возникло золотистое сияние. Не сумев вовремя остановиться, бородач врезался в него и отлетел, как от стены, с размаху сев на задницу.

Двое воинов в золочёных доспехах, начищенных так, что больно смотреть, встали по обе стороны двери. Синхронно ударили в пол древки алебард, чьи лезвия тоже были отполированы до зеркального блеска.

– Проблемы! – охнул кто-то. – Я же говорил...

Размашистым шагом в зал вошёл смуглый красавец в бордовом кафтане до пят. Широкий кушак украшали тяжёлые золотые кисти.

– Светоч вселенной, опора трона...

Голос у красавца удался на диво: зычный, раскатистый.

– Могучий Кейрин-хан, да продлятся дни его вечно, оделяет вас милостью своего посещения! Падите ниц!

На унилингве глашатай изъяснялся без акцента.

Великий Космос, безмолвно воскликнул Гюнтер. Что происходит?! Его просвещённые соотечественники, не мешкая, укладывались на пол лицом к двери. Лишь посол Зоммерфельд, доктор Ван Фрассен и спокойный как статуя Артур опустились на колени. Ища поддержки, Гюнтер повернулся к Натху с брамайном. Мальчик с интересом наблюдал за происходящим, в глазах брамайна интереса не было.

В них светилось равнодушное понимание.

– Сейчас войдёт раджа, – пояснил Горакша-натх со знанием дела. Казалось, что последние двадцать лет он провёл на Шадруване. – Местный правитель. Падите ниц, если не хотите осложнений.

– Ни за что!

– Зря. Вы находите это оскорбительным? Я – нет.

– Ложитесь! – злым шёпотом велела доктор Ван Фрассен. – Не создавайте лишних сложностей!

– Рекомендую прислушаться, – кивнул брамайн.

Без малейшей неловкости он простёрся на полу. Похоже, у него имелась в этом большая практика.

За дверью послышались шаги.

Контрапункт

Вернутся не все, или браво, маэстро!

Кувырчался у нас на манеже один коверный. Смешной, фактурный, всем хорош. И случилась у него удачная реприза, просто убойная. После этого он каждую новую репризу сравнивал с тем успехом – так ли смеются, иначе ли, лучшие, хуже, ярче, бледнее... Пропал коверный. Он больше не смешил, он сравнивал, ходил по манежу с линейкой.

К чему это я? Да так, смотрю по сторонам.

(из воспоминаний Луция Тита Тумидуса, артиста цирка)

– Вниманию встречающих рейс номер 31/16-бис Тилон – Китта! Выгрузка пассажиров и багажа окончена, пассажиры проходят таможенный и пограничный контроль...

Самба Бимбири-Барамба, лейтенант рубежной стражи Китты, пребывал в наилучшем расположении духа. Во-первых, вчера ему дала длинноногая Венди, из-за чего он категорически не выпался; во-вторых, Венди обещала дать ещё раз – сегодня, после смены. Обещания Венди стоили дешевле пареной репы, это подтверждала целая армия конкурентов Самбы, но мало ли? Репы Самбы не парил, он даже не знал, какова она в постели, эта репа. Вдруг повезёт! Отчего бы и не дать, если Самба из тренажёрки не вылезает, и бицепс у Самбы, и дельты, и грудак. Как поёт известный задохлик, рэппер Суббота: «Бабы уважают бицепс, нету бицепсу цены, я ж скажу вам: «Задолбьтесь, пацаны!...» А в-третьих, и это главное, позавчера Самба сорвал на крысиных боях славный куш. Хватило на вчерашнюю Венди, хватит и на сегодняшнюю, которая после смены, если не обманет, и на бутылку красного с сигарой.

Жалованье в конце месяца, так что выигрыш очень кстати.

– Ваш паспорт, баас.

На старичка он обратил внимание ещё тогда, когда старичок топтался на жёлтой линии. Последний в очереди, нет, предпоследний. За старичком ждал лопоухий парень лет двадцати: серая кожа тилонца, вялый рот маменькиного сынка. Рыхлый животик свисал за поясной ремень, бицепсы – горе горькое. На фоне парня старичок выглядел живчиком, эдаким профессиональным бодрячком. Спинка ровная, плечи вразлёт, губы в улыбочивую ниточку. И наряд попугайский: сюртук цвета темной лазури, оранжевая рубашка в пальмах. Воротник наружу, поверх сюртука. Сказать по правде, Самба и сам не знал, чем заинтересовал его старик. Припудрился, машинально отметил Самба. Даже нарумянился. Видать, цвет кожи нездоровый.

А взгляд и вовсе больной.

В какие-то мгновения казалось, что старичок еле держится на ногах. Вот сейчас шлёпнется на коленки, повалится набок, захрипит – и давай, лейтенант Бимбири-Барамба, оформляй смерть при въезде на территорию. Но мгновение пролетало стрелой, дед-попугай выпрямлялся, улыбался, и в улыбке его ясно читалось: «Нет, мальчики! Я ещё спляшу на ваших могилах!» От жёлтой линии к стойке, за которой сидел Самба, он прогарцевал на манер игривого жеребчика – и воззрился на Самбу, словно не понимал, кто перед ним

– Ваш паспорт, баас, – повторил Самба.

Жеребчик, подумал он. Если жеребчик, то деревянный, на шарнирах. Старик до чёртиков напоминал марионетку, которую ведёт на нитях неопытный кукольник. Слишком резкие движения, слишком дёрганая моторика. Сидит на лекарствах? Наркотиках? Бывают такие пилюльки, от которых суставы током прошибает. Волнуется? Что-то замыслил? Вряд ли. Террорист, ухмыльнулся Самба. «Лев Пхальгуны» на пенсии.

И едва удержался от смеха.

На пояском крюке лейтенанта шевельнулась табельная мамба. Двухметровый аспид изогнулся дугой, точёная головка всплыла над стойкой. Большие не по-змеиному глаза уставились на пассажира. Раскрылась пасть, являя зрителям пару длинных, очень острых клыков на верхней челюсти. Паспорт, намекала мамба. Люди ждут, не задерживайте.

– Да ладно тебе, – старичок наклонился к мамбе, уставился в упор. Десять сантиметров отделяло его от ядовитой молнии. – Иди спи, подруга. Я сейчас, я быстро.

Обалдев от восторга, Самба глядел, как змея сматывается обратно на крюк – и проморгал момент, когда перед ним лёг паспорт старичка. Подождёт, решил лейтенант в адрес парня-тилонца. Парень сгорал от нетерпения, кусал губы, сжимал кулаки, но Самба твердо вознамерился поболтать с весёлым старичком. Что-то тревожило Самбу, какое-то смутное предчувствие, но это могло быть и результатом недосыпа.

– Карл Мария Родерик О'Ван Эмерих, – вслух прочёл Самба, раскрыв паспорт. – Вы что, все въезжаете на Китту? По одному паспорту?

Старичок расцвёл: шутка пришлась ему по вкусу.

– Все, обязательно все! Но знаете, что я вам скажу...

Он присмотрелся к беджу на груди Самбы:

– Вот что я вам скажу, офицер Бимбири-Барамба, – старичок так вкусно прокатил многочисленные «р-р», так ловко выговорил зубодробительное обращение, что рот Самбы расползся в ответной усмешке. – Въезжаем-то мы все, а вернутся не все. Нет, не все, это я вам гарантирую.

– Кто останется, баас? Карл? Мария? Родерик?

– Полагаю, что Карл, офицер.

– Если свыше полугода, Карлу придется обратиться в миграционную службу.

– Нет, офицер. На полгода Карл даже не рассчитывает.

– Это хорошо, баас. Это правильно. Костюмчик у вас – загляденье. Где брали?

– На Тилоне. Да и у вас, офицер, форма что надо.

Самба расправил плечи. Изумрудным отливом сверкнул шёлк рубашки с короткими рукавами. Червонным золотом – пуговицы на груди. Серебром – россыпь значков. Белым золотом – восьмиконечные звёзды на погонах рубежника.

– Приложите ладонь к идентификатору.

Старичок протянул руку к портативному идентификатору. Упадёт, решил Самба. Рухнет пластом от простого движения. Нет, не упал, выпрямился. Достал без проблем. Стоит, подмигивает. Шутка, значит. Как можно было подумать, что он упадёт? Поклёп на дедушку!

Будь старичок вудуном, как Самба, лейтенант решил бы, что этот человек одержим чужим Лоа. Ну, или зомби – свежий, недавно поднятый, ещё в сравнительном уме. Под контролем *хунгана*, разумеется. Хотя нет, у зомби идиосинкразия на документы: рвут в клочья...

«Карл Мария Родерик О'Ван Эмерих,» – появилось на табло. Паспорт активировался, над ним всплыл голографический шарик из аксарской бирюзы – киттянская виза. Самба на табло не смотрел. Виза его тоже не заинтересовала: информация в расширенном объеме подавалась на биолинзы-симбионты офицера. Самба читал историю полётов господина Эмериха, зафиксированную в чипе паспорта. Въезды-выезды... Самба читал, и челюсть его отвисала, превращая рот в разинутую пасть мамбы, только без клыков.

– Великий Космос! Ну вы и полетали, баас!

– Да, – без ложной скромности согласился старичок. – Я полетал отменно.

– Ваши документы, баас Эмерих, – Самба протянул паспорт старичку. – Добро пожаловать на Китту.

– Благодарю.

Следующим был парень-тилонец. По паспорту Пьер Мальвин, контактный имперсонатор. Младший невропаст антического центра «Грядущее». На лацкане значок: две руки, золотая и чернёная, сцеплены в твердом рукопожатии. И опять Самбе мерещилось, что парень еле

держится на ногах, отвечает невпопад, выглядит болезненно. Точно недосып. Венди, потаскушка, что ты сделала с офицером Бимбири-Барамбой? А ведь и бицепс, и дельты, и грудак! Ладно, вид доходяги – не повод для отказа во въезде. Тем паче во въезде на курорт. Отдохнет, поправится, окрепнет.

– Ваши документы, баас Мальвин. Добро пожаловать на Китту.

– Благодарю.

За тилонцем никого не было. Намечался перерыв минут на двадцать, до прилета лайнера с Хиззаца.

* * *

– Всё, Пьеро. Отпускай.

– Нет, маэстро. Вы сперва сядьте. Вот скамеечка.

– Отпускай, говорю. Что я, без тебя не сяду?

– Без меня вы не сядете. Без меня вы упадёте. Зря вы сбежали из больницы, ей-богу, зря...

– Хорошо, сажай меня. Смотрю, ты сегодня в ударе. Чисто работаешь...

– Ну вас к чёрту, маэстро. Старый льстец.

– Малыш! Как ты разговариваешь с живой легендой?

– Вот и хорошо, что с живой. Лежали бы в больнице, я бы не беспокоился. Таскай вас на закорках, через полгалактики...

– Ну, сел. Отпускай.

– Лекарство выпейте. Без меня у вас руки трясутся.

– Дай воды.

– Вот.

– Налей в стаканчик. Вон автомат с газировкой, там есть. Что ты мне, в самом деле, бутылку с соской... Я тебе кто? Я тебе маэстро или массовка за три грёша?

– Вы мне, маэстро, горе и наказание. За грехи мои тяжкие. Зря я вас послушался. И вы зря сбежали из больницы, правду говорю...

– Хватит причитать! Отпускай.

– Уже.

– Кому ты врёшь, малыш? Я таких, как ты, ем без соли на завтрак. Кто мне мелкую моторику корректирует? Кто спину держит? Какая беспардонная сволочь, а? Отпускай, не то вырвусь.

– Давайте хоть до места доедем.

– Не переживай, Пьеро, доедем. Отдохну немного, и в путь. Я встану, ты меня подхватишь. А сейчас отдохни, понял? Не хватало мне ещё тебя на себе волóчь!

– Ага, вы доволóчёте. Нет, доволóчите. Довлечёте? Не знаю, как, но вы сейчас не в форме. Вы, маэстро...

– Я маэстро! Маэстро Карл! Дитя, ты оценил мой пафос?

– В полной мере.

– Всё, шутки в сторону. Доведёшь меня до места и отпустишь насовсем.

– И вернусь на Тилон?

– И вернёшься на Тилон.

– Хороший вы человек, маэстро, а в людях ни бельмеса ни смыслите. На какой Тилон?

Нет уж, дудки, я вас не оставлю...

– Оставишь. Там будет, кому меня подхватить.

– Вы про синьора Борготу?

– А что?

– Синьор Борготта тоже очень хороший человек. Ну, иногда. Он у нас на втором курсе зачёт принимал. «Подпись в контракте или устное заявление, трижды удостоверяющее согласие на контактную имперсонацию, не связанную с насилием, не влекущую за собой...» Забыл, блин. «Невропасть не может работать с куклой, если кукла не согласна.» А на этом он меня завалил: «Если в памяти клиента отсутствует исходный материал, то имперсонатору не с чем работать. Мы можем улучшить походку матросу, сошедшему с корабля после кругосветного плавания, но не можем поднять мертвеца и заставить плясать вприсядку...». Два раза пересдавал.

– Про мертвеца – это я.

– Что – вы? Вам плохо? Вы умираете?!

– Цитата, Пьеро. «Не можем заставить мертвеца плясать вприсядку» – это я говорил синьору Борготте, когда учил его искусству невропасти. А он, подлец, запомнил и теперь торгует как своим. Если бы ты знал, как я этому рад...

– А я – нет. Зря я про мертвеца вспомнил. Синьор Борготта не практикует. Все знают: из него боль невропад лезет. Клиенты жалуются... Вот подхватит он вас, вы сразу коньки и откинете.

– Боль? Я старый человек. Боль – моя подружка, к ней я привык. Мы с ней спим в одной постели, а по утрам танцуем танго...

– Браво, маэстро. Что-то вы очень бодрый. Это не к добру.

– Да что же ты меня все время хоронишь?

– Хоронить не хороню, а прилечь бы вам не мешало. Эй, извозчик!

– Я здесь, бвана! Здесь!

– Где ты здесь, когда ты там? Лети поближе...

– Лечу! Не сомневайтесь, прокачу с ветерком! Сорок экю в любой конец! Семьдесят пять в два конца! Сто в три! Куда летят красивые бвана?

– Красивые бвана летят в гости к Лусэро Шанвури. Знаешь такого?

– К Папе Лусэро? Великий Джа! Вы знаете Папу?

– Красивые бвана знают Папу.

– Папа вас пригласил на проводы?

– Как тебя зовут?

– Г'Ханга.

– Не твое дело, Г'Ханга. Можешь обождать у ворот. Если Папа меня не пригласил, он меня выгонит. Тогда семьдесят пять в два конца, до космопорта. А вот если не выгонит, ты возьмешь с нас двадцать экю.

– Тридцать пять из уважения к почтенному возрасту бвана!

– Двадцать один.

– Наличными?

– Перечисление с подтверждением. И карточку я тебе не дам, не надейся. Бвана всё сделает сам. Иначе твоя колымага сломается на полпути. И ты отправишь нас пешком, со всем уважением к моему почтенному возрасту.

– Нет, красивый бвана. Моя колымага не сломается. И я возьму с вас только тринадцать экю. Папа Лусэро уходит от нас, Г'Ханга знает. Тех, кого пригласил Папа, я отвез бы и бесплатно. Но с меня берут местовое, потом взнос Кривому Бакуме...

– Двадцать один экю. И не спорь со мной, с таким красивым бваной! Пьеро, подхватывай меня.

– Г'Ханга подхватит бвану! Как пёрышко!

– Не надо. Пьеро это делает лучше тебя.

– Всё, маэстро. Можете вставать.

Глава вторая

Два раза под ноги слонам, или Вы пойдёте со мной

І. Чайтра

Шанс, брошенный махараджей, как подачка, с высоты трона – отравленный подарок. Разжалуй владыка генерала в рядовые, лиши наград и персональной пенсии, отправь в отставку, в ссылку, в тюрьму – Бхимасена вздохнул бы с облегчением. Худшее уже случилось, он отстранён. Всё остальное теперь – не его забота. Гора с плеч!

Мечты, мечты...

Ищи антиса в открытом космосе! Куда увел Натху ларгитасский конвой?

Прямо из аэромоба Бхимасена связался по закрытому каналу с генералом Аккинени, шефом отдела спецопераций брамайнской разведки. Это Аккинени предоставил ему группу Марвари для высадки на Ларгитасе. Я хватаюсь за соломинку, вздохнул Бхимасена. Лакшми, Подательница Благ, дай хоть какую-то зацепку!

Аккинени выслушал запрос, не перебивая. Обычно сдержанный, как все разведчики, сейчас он не дал себе труда контролировать собственную мимику. Из сурового, но вполне человеческого, лицо Аккинени превратилось в маску Парджаньи, божества грозовых туч.

– Я вас правильно понял? – свистящий шёпот походил на шипение разъярённой змеи. – Вы отправили моих лучших людей на самоубийственное задание. Мои люди погибли. Задание провалено. Первое – героизм, второе – позор. И теперь вы имеете наглость снова просить у меня помощи?

Дело было не только в гибели группы Марвари. Как причастный к операции, Аккинени получил разнос от своего командования. И вот, не успело отзвучать эхо начальственного гнева, объявляется действительный виновник случившегося – и как ни в чём не бывало лезет с вопросами. Есть от чего прийти в бешенство!

Я дам ему фору, решил Бхимасена. Фору в два удара.

– Группа Марвари погибла не напрасно. Чтобы в этом убедиться, мне нужна информация. Это не просьба, генерал. Это служебный запрос. Если хотите, я могу оформить его официально, в письменном виде.

– Информация по этому делу проходит под грифом «секретно».

– У меня есть допуск. Вам это известно.

– Есть у вас допуск или нет, я не обязан предоставлять информацию всяким штатским!

Аккинени был прав. Формально персонал антического центра не числился по ведомству Министерства Обороны. И всё равно это было оскорбление – учитывая, что Аккинени прекрасно знал истинное положение дел.

Два удара, отметил Бхимасена. Достаточно. Теперь моя очередь.

– Разумеется, не обязаны. Мне так и передать его величеству?

– Кому?!

– Его величеству махарадже. Чьё повеление я, по-вашему, сейчас выполняю? Итак, генерал Аккинени отказывается содействовать исполнению высочайшей воли? Когда я улетаю из дворца, в парке выгуливали слонов.

Долгая пауза. Минута, не меньше, чистого удовольствия. В глазницах громовержца ярились молнии. Вот-вот вырвутся на волю, извергнутся из голосферы, испепелят наглеца вместе с аэромобом и пилотом.

Ничего, обошлось.

– Я жду официальный запрос, – сухо бросил Аккинени.

И отключился.

– В антический центр, – велел пилоту Бхимасена, сняв конфидент-поле.

Аэромоб заложил лихой вираж над городом. Хорошо, что машина следовала на высоте первого особого воздушного эшелона, который практически пустовал. В толчее шести нижних гражданских эшелонов такой манёвр с гарантией привёл бы к аварийному столкновению.

* * *

Отправив запрос, он позвонил домой.

– Извини, дорогая, сегодня я дома не ночую. Служба, сама понимаешь.

Откинувшись на спинку кресла, генерал как бы невзначай продемонстрировал интерьер кабинета за спиной. Видишь, любимая? Я правда на работе, а не...

В кабаке? В стрип-клубе? В казино?

В наркопритоне?!

Чтобы представить Раму Бхимасену в компании обдолбанных торчков, надо было обладать незаурядным воображением. Ладно ещё, в кабаке...

Старая игра. Жена и так ему верила, но ей было приятно, когда муж деликатно предлагал любимой супруге убедиться самой. В последние месяцы он сутками пропадал на службе – и то, что Бхимасена каждый раз звонил, предупреждал, что задержится, примиряло Сумати со служебными авралами мужа.

«Это не надолго, верно? Рано или поздно всё закончится, да? Надо просто ещё немного потерпеть. Рама, ты со всем в итоге справишься. Ты справлялся всегда.»

Сумати верила в него больше, чем он верил в себя.

В тот момент, когда терминал булькнул, возвещая о прибытии первого пакета информации от Аккинени, генерал вспомнил об ещё одном важном деле. Менее важным, чем поиски Натху, но имеющем для Бхимасены большое, а главное, личное значение.

Во дворце он был слишком взволнован. Лишь сейчас, отдышавшись, генерал наконец собрался с мыслями и осознал, что ответил махараджа на его вопрос. Молодые офицеры с йогинскими серьгами в ушах. Те, для кого слова учителя значат больше, чем слова присяги или приказ командира. Генерал вспомнил собственного секретаря – тот недавно обзавёлся йогинскими серьгами высокого посвящения, будь они прокляты.

Однако секретарь при всём желании не мог передать кому-либо информацию, которой сам не обладал. Подробности операции на Ларгитасе и последующих событий в космосе парню неизвестны, в этом генерал был уверен. «Пользуются гиперсвязью,» – сказал махараджа. Значит, осведомитель принимал в операции непосредственное участие и отправил сообщение с одного из уцелевших кораблей.

Своей службы внутренних расследований в антическом центре не было – до сих пор в ней не возникала надобность. Зато у ВКС таких служб имелось в достатке: флотская контрразведка, отдел специальных расследований военной полиции, служба внутренней безопасности – выбирай любую! Другой бы на месте генерала заколебался, но для Бхимасены выбор не составил труда. С Лочаном Карнадом они приятельствовали ещё в юности, когда выходили на арену храма Калари в набедренных повязках. Лочан, если слухи не врал, тренировался по сей день, несмотря на свою службу в ОСР военной полиции. А может, благодаря этой службе.

Генерал потянулся к коммуникатору.

– Ученики-йогины? – Лочан прищурился, словно глядел в прицел. – Совет духовных лидеров? Это сильно осложнит дело.

Ещё бы, подумал генерал. Отправь его величеству такое послание кто угодно другой – и слоновьи ноги уже раскатали бы дерзкого ровным слоем по площадке для казней. Но трогать

подвижников из СДЛ не решался даже верховный правитель всех брамаинских миров. Что уж говорить о военной полиции?

– Найти крота-серьгоносца не проблема, – вслух размышлял Лочан. – Отсек ему доступ к сколько-нибудь важной информации – тоже. Проблема в другом. Что с ним делать дальше?

Бхимасена заставил себя улыбнуться, хотя в ушах его стоял звон погребального колокола. В эту улыбку генерал вложил всё то, что не мог произнести вслух.

– Для начала его надо просто найти. И ничего с ним не делать. Уши, украшенные серьгами? Они всегда могут пригодиться – особенно в комплекте с длинным языком и доступом к гиперсвязи.

– Замечательно! – Лочан просто пылал от энтузиазма. Актер он был плохой, с изнанки проступал черный, как смола, сарказм. – И с какой стати я должен быть пешкой в твоей игре? Только не говори, что это моя работа!

– Я сообщаю об утечке секретной информации. Утечке с боевого корабля в зоне военных действий. А старший следователь ОСР и ухом не ведёт?

– А что есть у старшего следователя? Слова постороннего, формально штатского – уж извини! – лица. Слова, ничем не подкрепленные. Насколько секретна эта информация? Когда она была передана? Кому? Откуда ты вообще знаешь об утечке?!

Генерал молчал.

– Если бы речь шла о передаче Ларгитасу или Помпилии сведений, имеющих военное значение, – добивал старого друга Лочан, не брезгуя запрещёнными приёмами, – я был бы обязан отреагировать даже на устное заявление. Но речь идёт о фанатиках из СДЛ...

Он взял паузу, давая собеседнику понять: Лочан Карнад не слишком щепетилен в вопросах веры.

– Здесь воняет, Рама. Есть состав преступления, нет – влезать в это дерьмо мне не хочется. Впрочем, если поступит официальное заявление, с указанием источника информации – я буду обязан дать делу ход. Но ты ведь не собираешься идти официальным путём, верно?

– Верно. Я пойду другим путём.

На руках оставался последний козырь. Ходить с него, да ещё и повторно, означало звать на подмогу палача, готового отрубить тебе голову. Впрочем, если он не получит результат в ближайшее время, голова его так или иначе слетит с плеч.

– Сегодня, – скучно произнёс генерал, – я имел аудиенцию у его величества.

С запрещёнными приёмами он тоже был знаком не понаслышке.

– Личную аудиенцию? – поинтересовался старший следователь.

Он спрашивал так, словно ступал по минному полю,

– Личную. В тронном зале Майясабхи.

Правда, подумал Бхимасена. Правда, ты – жирное мясо. Тебя можно приготовить и подать по-разному.

– Сукин ты сын, – вздохнул Лочан.

Он сник, ссутулился, признавая своё поражение. Я не хочу этим заниматься, читалось на его лице, во взгляде, в безнадёжной позе. Я очень не хочу этим заниматься. Но навлечь на себя гнев махараджи я не хочу ещё больше. Он что-то тебе поручил? Тебе для этого понадобился я? Что ж, я всё сделаю. Но больше никогда меня ни о чём не проси!

Так теряют друзей.

Генерал прикинул, сколько у него есть времени. Три дня? Пять? Неделя? Топор занесен, и когда он обрушится на повинную шею, известно лишь богам. Но если Совету духовных лидеров донесут, что некий генерал Бхимасена роет носом космос в поисках Натху, что этот достойный человек вот-вот выйдет на след... Святые наставники вполне могут намекнуть его величеству, что они кровно заинтересованы в результатах. А значит, не стоит спешить. Пло-

щадка для казней – не лучшее место для Рамы Бхимасены, способного вернуть явленное бра-майнам чудо.

К такому намёку махараджа прислушается.

Мой секретарь, вспомнил Бхимасена. Является ли он осведомителем СДЛ? Нужна гарантия, стопроцентная уверенность. Когда речь идёт о жизни и смерти, ни один процент не бывает лишним.

– Поторопись, – бросил он Лочану, уже не играя в добрые отношения. – Я жду звонка в любое время суток. В любое!

* * *

В чёрных глубинах космоса вспыхивали и гасли миниатюрные солнца, превращаясь в сверхновые. На миг выхватывали из первозданного мрака фрагменты кораблей: развороченный борт, боевая башня кувыркается в пространстве, словно оторванная голова чудовища...

Генерал дал замедление. Он хотел разглядеть антисов, пронёсшихся сквозь ад сражения. Теперь шары плазменных взрывов вспухали не торопясь – огненные пузыри, выдуваемые ребёнком-исполином. Увы, полёт троицы антисов в сопровождении стаи криптидов всё равно занял чуть больше секунды. Размазанный сполох промчался меж сражающимися армадами – и сгинул без следа, ухнул в червоточину, открывшуюся перед ним как по заказу.

Вот уж точно, что без следа.

Аккинени прислал всё: записи сражения, полёта антисов, расшифровки, наложения, волновые слепки. Рапорты, отчёты, заключения экспертов... На что ты надеялся, генерал? Что могло ускользнуть от внимания лучших спецов военной разведки?!

Он ещё больше замедлил воспроизведение. Отрегулировал приближение, пустил запись снова. В глубине сферы, гася искры далёких звёзд, начал раскрываться провал червоточины. Из провала всплыл радужный пузырь. Бхимасена подался вперёд, едва сдержав вопль: неужели?! Он что, первый это увидел?!

– Генерал!

В пузыре возник молодой щёголь. Сюртук с вышивкой по бортам, тюрбан с большим искусственным сапфиром. Младенческая гладкость щёк полыхала румянцем, аккуратная полоска усов тряслась. Проклятая червоточина! Она обманула генерала, родив голосферу экстренной связи. Щёголь был Бхимасене хорошо знаком: Камал Тхакур из отдела связей с общественностью.

– Что тебе?! – рявкнул генерал.

От досады он чуть не разрыдался.

– Мне? Вам, шри Бхимасена! Нам!

– Кому это – нам?!

– Всем нам!

– Да говори же!

– В-вы... в-вы лучше с-сами...

Бойкий на язык Камаль – иных в «связном» отделе не держали – заикался. Сфера затуманилась, опасно раздулась, готова лопнуть – и взорвалась катастрофой.

– Натху, мой мальчик!

Мирра Джутхани билась в истерике. Женщину сотрясали рыдания, переходящие в конвульсии. Моталась из стороны в сторону голова – казалось, шея Мирры не выдержит, голова оторвётся, полетит кувырком в угол. Взлетало смоляное облако волос, падало на мокрое от слёз лицо, липло к щекам. Двое крепких мужчин в форме с трудом удерживали хрупкую женщину. К ним на помощь уже спешил третий.

– Натху! Спасите! Спасите его!

Втроём охранники справились с Миррой. Подхватили, потащили к кровати. Женщина дёргалась и брыкалась, её отчаянный визг ультразвуковым сверлом вонзался в уши генерала. Ей почти удалось вырваться, босые ступни заелозили по полу, пытаясь нащупать опору. Левая напоролась на осколок разбитой вазы с фруктами. Хлынула кровь, но Мирра этого даже не заметила.

– Натху! Он пропал! Его не-е-е-ет!!!

Инъекция транквилизатора вырубил безутешную мать – как подозревал Бхимасена, ненадолго. В сферу вернулся Камал.

– Когда это записали?

– Сутки назад.

Камала трясло, но заикаться он перестал, сбросив груз ответственности на начальство.

– Как она сейчас?

– Всё так же.

– Спит? Кричит?!

– Едва приходит в себя, начинает биться в истерике.

– Идиоты! Почему сразу не сообщили?!

– Они думали – само пройдёт. У неё уже бывало...

– И понадобились сутки, чтобы забить тревогу?!

– Они пытались с вами связаться. Вы были вне доступа. Тогда они вызвали первого, кто попался под руку.

– Тебя?!

– Меня.

Камал беспомощно развёл руками. Весь его вид говорил: «А что я? Никто и звать никак. Не врач, не эксперт, не начальник. Выдержу, заставили приехать...»

– Ты сейчас там? Никуда не уходи!

– Вы...

– Я уже еду. Лечу!

Только Мирры-истерички ему сейчас не хватало! Если информация о том, что мать Натху окончательно слетела с катушек, просочится в прессу – Чайтра вскипит, и не только Чайтра. Властям потребуется козёл отпущения. И кто же окажется этим козлом? Кто допустил, не уследил, не обеспечил?! Глава антического центра, кто же ещё!

Два раза под ноги слонам! Три!

Десять!!!

Генерал ссыпался по лестнице, прыгая через три ступеньки, чего не делал, кажется, со времён училища. В кармане вибрировал, ворочался коммуникатор. «Шри Рачапалли» – лаконично сообщил определитель номеров.

Кто такой?! Ах, как некстати...

– Другой йогин? Опытный наладчик энергосистем? Бог, демон, кто угодно?!

Гуру смеётся:

– Вы согласны пожертвовать кем-то другим, но только не мной? Благодарю, я тронут. В любом случае, трое достойных йогинев слишком стары для такой миссии. Двое, насколько я знаю, ушли в длительную медитацию... Я бы не советовал тревожить их. Шри Рачапалли? Нет, он не согласится...

Некстати, вздрогнул генерал. Кажется, я ещё не понял в должной мере, насколько этот звонок некстати. Письмо Совета духовных лидеров, адресованное махарадже. Подписи под этим письмом. Третий сверху: шри Рачапалли. Кажется, он тоже из ордена натхов, как и Вьясджи: подвижник, аскет...

Бхимасена замедлил шаги. Включил конфиден-поле, перевёл связь в защищённый режим. Сделал пару глубоких вдохов, словно собрался нырять за жемчугом – и коснулся сенсора ответа. У йогоинов имелась по крайней мере одна добродетель, которая отсутствовала у его величества: терпение.

В голосфере возник седой морщинистый кузнечик. С одинаковым успехом шри Рачапалли могло быть девяносто, сто двадцать и сто пятьдесят лет. Кузнечик благостно улыбался. От его улыбки генерала пробрал озноб. Кто ты, спросил Бхимасена себя. Кто? Мелкая мошка, для которой кузнечик – истинный тигр?!

– Добрый день, шри Рачапалли.

Признаться, генерал плохо соображал, утро сейчас, день или вечер. Не ночь – и ладно.

– Намасте¹, шри Бхимасена! – кузнечик сложил лапки у груди, прижав ладони друг к другу. – Умоляю простить меня за беспокойство. Я знаю, вы человек занятой. И всё же: не уделите ли вы мне, недостойному, капельку вашего драгоценного времени?

– Разумеется, шри Рачапалли. Я вас внимательно слушаю.

Генерал выровнял шаг, стараясь восстановить дыхание. Первый этаж. Следующие два пролёта вели в подземный гараж. Парковать аэромобы под землёй – не самая удачная идея, на первый взгляд. Но учитывая безумную толчею в воздухе, по городу зачастую было удобнее передвигаться в наземном режиме.

– Я неточно выразился, – кузнечик с огорчением заморгал. – Речь идёт о личной встрече, если вы снизойдёте к скромному йогоину.

– Это настолько важно?

– О, это лишь мелкий камешек на пути нашей жизни. Но камешек на дороге, камешек в сандалии и камешек в дыхательном горле имеют разное значение.

Бешеные жеребцы – приказ махараджи, свихнувшаяся Мирра и ласковый кузнечик – разрывали генерала на части. Он искренне пожалел, что не имеет трёх лиц и шести рук, как у демона Херуки-Кровопийцы – тогда было бы проще воевать на три фронта.

– Завтра, – он предпринял ещё одну попытку. – Завтра вас устроит?

– Кто ведаёт, что случится с ним завтра? – нараспев продекламировал кузнечик. – О, такой человек воистину обладает даром прорицателя.

Печаль в голосе аскета была приправлена еле заметным сарказмом.

– Если вы по поводу известного нам обоим письма в вышние сферы, – манера речи кузнечика оказалась заразной, – то можете не беспокоиться. Я уже занят поисками Натху. В том числе прямо сейчас, сию минуту.

Генерал лгал и не морщился. Раз уж появилась возможность намекнуть СДЛ о своей полезности – грех ею не воспользоваться.

– Что письма? Прах! – кузнечик был искренне огорчён. – Речь пойдёт о человеке, чьи стопы – лотосы, а голова касается небес. О нашем духовном брате, светоче дхармы.

– О ком?!

– О досточтимом Вьясе Горакша-натхе. О нём – и о вас, шри Бхимасена.

Я еду к кузнечнику, понял генерал. Без вариантов.

II. Саркофаг

Человек был одет во всё чёрное.

Злодей из дешёвого фильма, подумалось Гюнтеру. Длиннополый кафтан струился вниз потоком расплавленной смолы. Шаровары цвета угля заправлены в аспидные сапоги. И правда аспидные – из змеиной кожи. На голове тюрбан в тон кафтану. Левый край, как лоскут близ-

¹ Приветствие брамайнов (букв. «Я почтительно кланяюсь вам!»)

кой ночи, спадает на плечо. Абсолютно чёрное тело, сказал бы физик. Нет, не абсолютно: серебро застёжек, серебро шитья на поясе. Ножны кривого кинжала также инкрустированы серебром. Седая борода аккуратно подстрижена. Лицо скуластое, обветренное. Морщины... Сколько ему? Шестьдесят? Семьдесят? На этом проклятом Шадруване никогда не угадаешь, сколько кому лет.

Лежать на полу, вытянув руки вперёд, было унижительно. А с козлиными ногами, у которых коленки выворачивались не по-людски – так и вовсе неудобно. Шея затекла, при любой попытке повернуть голову рога кавалера Сандерсона громко скребли по ближайшему креслу. Замри, велел себе Гюнтер. Свело шею, загривок, плечи, боль вцепилась в мышцы....

– Дозволено встать, – объявил глашатай.

Тайком разминая холку, Гюнтер косился на чёрного человека. Кейрин-хан? Светоч вселенной? Судя по всему, тиран ещё тот, куда там нашему Тирану!

Не интересуясь мнением кавалера Сандерсона на свой счёт, Кейрин-хан обвёл взглядом настороженно притихший зал, повернулся к возвышению президиума. Тишину нарушало сопение, обещавшее перейти в натуральный храп. Натху, вздрогнул Гюнтер. Укладывание на пол мальчик воспринял как новую игру – и с энтузиазмом последовал примеру взрослых. Но юный антис так умаялся за день, что его мгновенно сморил сон.

Лицо Кейрин-хана напоминало маску, аллегорию Равнодушия. Казалось, он каждый день имеет удовольствие наблюдать сатиров и смуглых бродяг с кобрами вместо поясов. Взгляд его запнулся лишь о беспечно дрыхнувшего Натху.

Хан моргнул.

– Встань, джинн, – произнёс он.

Унилингвой, универсальным языком Ойкумены, он владел не хуже глашатая. Двадцать лет жизни в Саркофаге, бок о бок с ларгитасцами, превратили туземцев в записных полиглотов.

К ужасу Гюнтера, сын и ухом не повёл. Когда усталый мальчишка засыпает, его из пушки не добудишься. А когда усталый мальчишка – детина слоновьих габаритов, то и ядерный взрыв не поможет!

За правым плечом хана образовался глашатай.

– Величие хана, – обстановку красавец отслеживал чутко, – сразило могучего джинна наповал! Он не смеет подняться!

Хан едва заметно кивнул – не соглашаясь, а просто делая отметку: объяснение удовлетворительное, тема закрыта. Без суеты Кейрин прошёлся вдоль президиума. Пришельцы? Экспонаты на выставке, которую посещаешь по протоколу. Скука царила в глазах хана. Если Кейрин и притворялся, то делал это мастерски.

Едва заметное движение руки, и глашатай вновь набрал в грудь воздуха:

– Всем покинуть зал!

Ларгитасцы устремились к выходу. Никто не хотел задерживаться в обществе чёрного ни на секунду дольше необходимого. Продолжая изучать пришельцев, хан повторил вялый жест.

– Вам дозволено остаться! – растолковал глашатай.

Господин посол, чрезвычайный и полномочный, в число благодетельствованных не попал. Зоммерфельд вышел последним, словно капитан, что покидает гибнущий корабль. За ним удалился глашатай, следом вышли охранники в золочёных доспехах – и плотно закрыли за собой двери. В том, что они сторожат снаружи и явятся по первому зову повелителя, можно было не сомневаться.

Кейрин-хан упёрся взглядом, словно ладонью, в грудь Гюнтера:

– Радуйся, колдун.

Он выждал с минуту, позволяя колдуну обрадоваться как следует.

– Тебе я окажу милость.

Колдун? Пускай, мысленно согласился Гюнтер. Рядом с волшебницей Ван Фрассен быть колдуном не зазорно. Он ждал продолжения. Кейрин-хан, похоже, тоже чего-то ждал.

– Молю о снисхождении, – нарушила затянувшуюся паузу доктор Ван Фрассен. – Простите нашего гостя. Он прибыл издалека и не знает этикета. От благодарности у него пропал дар речи.

Хан едва заметно кивнул. В точности как глашатаю: я услышал.

– Издалека? – узкая ладонь погладила рукоять кинжала. – Он твой земляк, чародейка?

– Да, о великий.

– Вы знакомы?

– Я знала его в детстве. Потом мы не виделись.

– Каким именем ты звала его?

– Гюнтер Сандерсон.

– Интересный облик, – ладонь убралась с кинжала, обвела в воздухе контур кавалера Сандерсона. – Почему ты никогда не являлась мне в таком, чародейка?

Доктор Ван Фрассен не нашлась, что ответить. Но хан уже утратил интерес и к ней, и к прочим обликам рогатого скота, крупного и мелкого.

– Милость, – напомнил он, возвращая Гюнтеру свое внимание. – Я одарю тебя покровительством. Тебе дозволено поступить ко мне на службу. Завтра ты передашь мне амулет, дающий власть над твоим джином.

Хан снова замолчал. Он ждал ответа, поклонов, восхвалений. Но в голове Гюнтера царил полный сумбур. Амулет? Джинн? Власть? Что за вздор несёт чёрный?!

– Благодарю за высокое доверие, – запинаясь, вымучил молодой человек. Поверить в то, что Гюнтер своими губами произносит эти слова, было невозможно. – Прошу прощения, но у меня нет никакого амулета. Я бы с радостью...

– Хорошо, – с отменным равнодушием согласился Кейрин-хан. – Если амулета нет, ты его сделаешь. День в твоём распоряжении. Завтра в это же время ты отдашь амулет мне.

– Но позвольте...

Отвернувшись, словно Гюнтер превратился в бессмысленную струйку пара, Кейрин-хан направился к выходу. Доктор Ван Фрассен и Артур, как по команде, опустились на колени. Машинально Гюнтер сделал то же самое, что с его нынешними ногами оказалось непросто. Пасть ниц? Вон, брамайн так и сделал. К чёрту! Перебьётся. Хан даже не смотрит.

Натху шумно перевернулся набок и захрапел.

Двери открылись сами – глашатай не дремал – и закрылись за спиной чёрного.

– Что это было? – осведомился Гюнтер, вскакивая.

III. Ларгитас

– Вы пойдёте со мной, – сказала Линда Рюйсдал.

Тиран не ответил.

Он глазел по сторонам, словно не понимал, куда попал. Это Линда уезжала, а Тиран оставался, так что глазеть ему было вроде бы не с руки. Линда на всякий случай тоже огляделась. Лагерь, разбитый по внешнему периметру бункера, атакованного брамайнами, напоминал разворощенный муравейник. Люди сновали туда-сюда, обмениваясь нервными репликами. Их стало больше, их стало существенно больше, чем помнила Линда, а забор, окружавший территорию, вырос вдвое. Строители укрепляли его термосиловыми плитами, а энергетики шустро сновали поверху, ставя эмиттеры силового поля. Складывалось впечатление, что лагерь готовится к обороне. Нет, к осаде, потому что за шатрами-временками разгружались три фуры с продовольствием и аппаратурой неизвестного назначения.

– Идиоты, – буркнул Тиран. – Машут кулаками.

– В смысле? – не поняла Линда.

– После драки. Кешаба они не остановят, а в остальном... Кому мы сейчас нужны?!

– Вы пойдёте со мной, – с нажимом повторила Линда. – Немедленно.

– Куда? – без интереса спросил Тиран.

– Вас хочет видеть Фрейрен.

– Зигмунд?

Меньше всего комиссар Рюйсдал могла предположить, что Ян Бреслау и Зигмунд Фрейрен знакомы, да еще так, чтобы звать друг друга по именам.

– На кой я сдался вашей службе внутренних расследований? – Тиран был весь недоумение и сарказм. – Фрейрен подозревает, что я латентный телепат? У меня скоро инициация?!

– Не вы, – отрезала Линда. Сегодня у нее не ладилось с чувством юмора. – Не вы, а ваш подопечный. У нас есть подозрения, что вы знали о ментальных способностях Натху Сандерсона. Знали и скрыли это от Т-безопасности. Между прочим, это серьёзное преступление.

– Чепуха, – отрезал Тиран.

– Фрейрен мне тоже сперва не поверил. А потом согласился с моими доводами, – комиссар Рюйсдал не стала уточнять, что Фрейрена убедили не её доводы, а звонок осведомителя. – Вы представляете, что это такое: переспорить Фрейрена?

– О да! – Тиран рассмеялся. – Вы умеете убеждать, комиссар.

Линде не требовалось ослаблять защитные барьеры мозга, чтобы почувствовать эмоциональную ауру Бреслау. Спокойствие, хладнокровие, любопытство. Это была аура смертника, который взойшёл на эшафот, встал у плахи – и вдруг осознал, что хуже уже не будет, и угрожать ему нечем. Это мне не нравится, отметила Линда. Это мне совсем не нравится.

– Вы возвращаете мне веру в людей, – Тиран по-мальчишески сунул руки в карманы. – В какой-то миг земля под моими ногами зашаталась. Мне показалось, что рухнули столпы, на которых стоит Ларгитас. Теперь я вижу, что Ларгитас незыблем. Мы возводим забор вокруг ограбленного места. Ловим ветер в поле. Ищем виноватых, перекладываем ответственность на соседа. Устраиваем, как видите, грызню научной разведки и Т-безопасности. Каким был решающий довод?

– Что?

– Какая последняя соломинка переломила спину недоверию Фрейрена?

Осведомитель, подумала Линда. Он не должен знать об осведомителе.

– Вы привлекали менталов, – она подошла к Тирану вплотную. Со стороны могло показаться, что комиссар Рюйсдал хочет снять пушинку с лацкана собеседника. – Вы наняли команду молодых менталов, когда ловили Отщепенца. Менталы не ловят антисов. Вы уже тогда знали об особенностях Натху Сандерсона. Знали и молчали.

Этот довод она придумала только что. И очень гордилась придуманным. Жаль, в разговоре с Фрейреном такой великолепный аргумент не подвернулся Линде под руку. Ничего, успеется. Она должна Фрейрену, вот и расплатится. Когда комиссар покидала кабинет *начв-нура*, Фрейрен бросил ей в спину: «Вы прилетели ко мне. Это значит, что вы оставили Бреслау без присмотра?» Да, согласилась Линда. Какой присмотр, если бункер охраняется сверху донизу? И похолодела, сообразив, о чём говорит Фрейрен. «Вы оставили его без присмотра, – беспощадно давил отставной борец. – Что, если прямо сейчас за ним явился Скорпион?! Он явился, а вас нет.» Линда молчала. Что она могла ответить? Что торопилась, летела со всех ног? «Вы мне должны, – бросил Фрейрен, словно по лицу ударил. – Когда я узнал, что вы самовольно покинули территорию бункера, я выслал к Бреслау парочку своих мозгокрутов. Вряд ли их пустят за ворота, но у забора они погуляют. На это их допуска хватит. Там не слишком большое расстояние для силового контакта...» Проглотив комок, застрявший в горле, Линда вышла в коридор, взяла истерику за глотку и задушила. Истерика сопротивлялась, удушение заняло больше времени, чем Линда предполагала.

- Не стану спорить, – кивнул Тиран.
- Разумеется, не станете. Это потому что я права.
- А что, если я закричу? Побегу? Окажу сопротивление?

Тиран улыбнулся:

- Кликну охрану?!

Гори оно всё огнём, решила Линда. И сделала то, о чём мечтала с первой минуты, когда только увидела этого человека. Скорпион обвинил Яна Бреслау в убийстве доктора ван Фрассен, и комиссар Рюйсдал, назначенная обвинённому в телохранители, поверила Скорпиону всем сердцем. Это он, Ян Бреслау, убил её подругу детства. Это он, и даже если он вывалит целый куль оправданий, Линда ему не поверит. Скорпион – ладно, это как сложится, а Линда – никогда. Гори оно всё огнём, сейчас комиссар позволит себе мельчайшее из желаемого и не пожалеет о содеянном.

- Окажете сопротивление? – удивилась Линда.

Тиран поднял руку и почесал нос. На лице адъютант-генерала Бреслау отразилось чистейшее, как спирт, изумление. Нос Тирана не беспокоил, он и забыл, что у него есть нос. И тем не менее, чесал, тёр, драл ногтями. Два пальца ухватили кончик носа, сильно дёрнули. Тиран открыл рот, но не издал и звука. Лицо его побагровело, но краска быстро сошла.

– Ваши двигательные центры, – объяснила Линда. Она старалась не показывать, насколько ей сейчас хорошо, и понимала, что Тиран читает её, как открытую книгу. – Я их захватила. Сейчас я вас отпущу и мы пойдём к воротам. Вы пойдёте сами, без сопротивления. Вы не станете кричать, бежать, звать охрану. Если вы попытаетесь, помните: я действую намного быстрее, чем ваше тело. Будь вы молодым спортсменом, цирковым акробатом, бойцом спецназа – это ничего не изменило бы. Малейшее побуждение сопротивляться, и я верну контроль над вами. Вы меня поняли? Если да, моргните.

Тиран моргнул.

- Это потому что я права, – повторила Линда.
- Это потому что вы предвзяты, – возразил Тиран.

Он почесал нос, теперь уже по собственному желанию, и подмигнул Линде:

- Вы тоже обвиняете меня в гибели Регины Ван Фрассен?
- Я? – задыхнулась Линда.
- Не отрицайте. Я не телепат, но вы сейчас были чертовски похожи на него.
- На кого?!
- На Скорпиона. Прямо из одной банки вылезли. Вы точно не обучались на Сякко?

Глядя на потрясенную Линду, Тиран вздохнул:

– Это дурная пьеса. Вы взяли паузу? Значит, сейчас моя реплика. Что вы скажете насчет экспертизы? Я обвиню вас в несанкционированном вторжении в мой мозг. У вас есть разрешение? Пауза длится, то есть нет. В вашем ранге это убийственное обвинение. Я потребую ментальной экспертизы, она подтвердит вторжение, насилие, принуждение...

– Ничего подобного, – Линда чувствовала, как её сходство со Скорпионом растёт с каждой секундой. Черт возьми, это нравилось комиссару Рюйсдал. – Экспертизу проводят менталы. Ни один ментал Ларгитаса не станет ссориться со службой Т-безопасности. Эксперты подтвердят, что ни один нейрон вашего девственного мозга не пострадал в результате общения со мной.

- И они подпишут ложный акт?
- Хоть десять. Вы хотели реплику? Извольте, теперь ваша очередь.
- Я рад, – Тиран сиял. В его радости не пряталось и капли наигрыша. – Столпы Ларгитаса несокрушимы. Приятно видеть, что мы с вами – одного поля ягоды. Ладно, ведите.
- Вы идёте доброй волей, – напомнила Линда.
- Доброй, недоброй, но иду.

Кулак Тирана завибрировал. Нет, не кулак. Кулак был в кармане брюк, в кулаке был зажат коммуникатор. Это он вибрировал, что ясно демонстрировала вздрагивающая ткань брюк.

– Извините, комиссар. Я быстро.

Тиран поднёс коммуникатор к лицу:

– Бреслау на связи. Что? Одну секунду...

Он пожал плечами, словно оправдываясь перед Линдой, и включил конфидент-поле. Линда видела, как шевелятся его губы, но не слышала ни слова. Она могла бы подслушать мысли Бреслау, снять разговор прямо из краткосрочной памяти, но этого не требовалось. Если Бреслау виновен, вся его память будет в распоряжении Т-безопасности. Если обвинения будут сняты, ни к чему усугублять конфликт.

Он виновен, сказала Линда себе. Виновен, тысячу раз виновен.

– Вас понял, – конфидент-поле отключилось. – Идёмте, комиссар.

Они прошли через лагерь к воротам. На контрольно-пропускном пункте их остановил дежурный охранник. Новую смену прислали, пока Линда беседовала с Фрейреном – широкие плечи, холодные глаза, повадки хищного зверя.

– Только вы, комиссар, – предупредил охранник. – Господину Бреслау запрещено покидать территорию объекта.

– Почему? – растерялась Линда.

– Господин Бреслау находится под домашним арестом. Меня предупредили минуту назад.

– Разве это его дом?!

– Сейчас – дом. Прошу прощения, сэр! Если вы не знали...

– Я знал, – безмятежно откликнулся Тиран. – Говорите, минуту назад? Три минуты назад я беседовал с генералом Ван Цвольфом. Он уведомил меня об аресте.

Охранник подобрался:

– И вы собирались покинуть объект?

– Вольно, сержант. Я всего лишь провожал комиссара Рюйсдал. Комиссар, отойдём на пару слов?

– Вы! – зашипела Линда, едва они оказались вне досягаемости ушей охраны. – Вы знали! И промолчали? Вы сволочь, Бреслау! Вы что, полагаете, я не справлюсь с этими стойкими оловянными солдатами?

Тиран присел на скамейку у забора:

– Справитесь, вне сомнений. Но тогда экспертам придётся подписывать минимум три акта. На меня и двух часовых. А это в три раза больше ответственности за лжесвидетельствование. В три раза больше риска. Кроме того...

Он прищурился:

– Комиссар, неужели вы считаете, что менталы есть только на Ларгитасе? Я потребую независимой экспертизы, и Ван Цвольф поддержит меня. Что на это скажет Т-безопасность? Идите, вы свободны. Это я под арестом, а вы вольная птица. Если явится Скорпион, я передам ему от вас привет.

Новая пауза, взятая Линдой, была вдвое дольше предыдущей.

– Нет уж, – пальцы комиссара шевелились, будто Линда вязала пуловер или душила кого-то. – Я останусь здесь, с вами. И немедленно свяжусь с Фрейреном. Вы в наших руках, Бреслау. Мы держим вас за яйца, что бы вы ни думали по этому поводу.

– За яйца, – задумчиво протянул Тиран. – В иной ситуации я бы обрадовался. Вы привлекательная женщина, комиссар. Если вас разогреть, вы просто бомба.

IV. Саркофаг (Двадцать лет отчаяния)

А было так.

Когда Скорлупа, стеной окружавшая город, стремительно вознеслась в поднебесье и сомкнулась монолитным куполом – она продержалась считанные секунды, после чего растворилась в воздухе без следа. Уникальный феномен видели многие ларгитасцы. Кое-кто – вот радость! – даже успел заснять его на видео. Местные же не заметили ничего: Скорлупы для них не существовало и раньше. Для горожан мир всего лишь мигнул, словно в глаз Всевышнего, милостивого и милосердного, попала соринка.

Но Всевышние не моргают без тайного смысла.

За две недели в город не пришёл ни один караван. Поначалу грешили на разбойников Ахмад-бея, обнаглевших вконец. Кейрин-хан, недаром звавшийся Опорой Трона, уже собрался возглавить отряд в две сотни сабель, дабы положить конец бесчинствам зарвавшихся «волков пустыни», когда на заре у городских ворот объявились три десятка усталых оборванцев с оружием. Взмывленные лошади едва переставляли ноги. Нет, люди Ахмад-бея и не думали брать город штурмом. Подобное было «волкам» не под силу, даже соберись их вдесятеро больше. Вперёд выехал угрюмый крепыш, голый по пояс, со свежим рубцом через всё лицо – и воздел над головой длинную пику. Пикой венчала голова Ахмад-бея. Рот бея был разинут, наружу вывалился синюшный, облепленный мухами язык. Убедившись, что стража увидела всё, что требовалось, разбойники спешились, сложили оружие и уселись перед воротами – смиренно ждать своей участи.

Разумеется, их допросили. Некоторых – с пристрастием. Все показания сходились: устав караулить добычу на тракте ан-Джублан, «волки пустыни» двинулись прочь от города, намереваясь выйти к оазису аль-Амал Алакхир – и далее к предгорьям хребта Маркан-Су, где рассчитывали вдоволь пожить в тамошних селениях, мирных и зажиточных. Но чем глубже они продвигались в пустыню, тем тяжелее ступали кони, сильнее наваливалась духота, царившая вокруг. Вместе с запасами воды таяли силы самих «волков». Воздух превратился в мглистую мусть, больше всего похожую на забродившее абрикосовое сусли. Небо давило на плечи, а оазис всё не появлялся, хотя до него было не более дня пути. Люди шептались, что аль-Амал Алакхир, иначе Последнюю Надежду, сожрал шайтан, прокляни его Творец от кончиков рогов до кисточки хвоста.

Пала третья лошадь.

Начался ропот: «Наваждение! Колдовство! Возвращаемся!» Бешеный Ахмад-бей лично зарубил вожака недовольных, рыжебородого Рашида, и отправил вперёд дюжину следопытов на лучших конях, велел шайке становиться лагерем. К утру следопыты не вернулись. Не вернулись они и к полудню, хотя трудно было определить время: солнце утонуло в ржавчине, лишь по недоразумению звавшейся облаками. Казалось, что вокруг свирепствует песчаная буря.

Буря?!

Ветер стих. Ни дуновения.

Бунт, короткий и кровавый, вспыхнул, когда Ахмад-бей приказал собрать второй отряд следопытов и отправить их на поиски пропавших. Верные бею оказались в меньшинстве, их перебили за считанные минуты. Сам Ахмад стоял насмерть, зарубил четверых, но на пятом его сабля сломалась, и бей лишился головы. Шайка повернула обратно. В город они поначалу не собирались, намереваясь добраться до спорных территорий вокруг Долины Источников, где для ватаги лихих рубак всегда найдётся подходящее дело. Увы, полтора дня пути на восток, и «волки пустыни» утонули в уже знакомой им ржавчине и мути – безжизненной, беспросветной.

Припасы кончались. Лошади падали одна за другой. Ни еды, ни воды, ни добычи. Попытав счастья на севере – с тем же печальным результатом – разбойники скрепя сердце решили сдаться на милость шаха. Милость была им явлена: «волков» оставили в живых – заклеямили, вырвали ноздри и продали в рабы состоятельным горожанам. Троим же и вовсе повезло: их прилюдно высекли кнутом на площади и определили в городскую стражу под начало десятника, прозванного Кишкодёрм за кротость нрава.

Не прошло и недели, как выжившие позавидовали убитым.

Очень скоро показаниям разбойников нашлось подтверждение. Вернулись жалкие остатки каравана, направлявшегося в земли султана аль-Хаддада. Бесследно исчезли два отряда пограничной стражи. Земледельцы окрестных деревень наперебой сообщали о духоте и мгле, окутавшей поля, из-за чего урожай чах и засыхал на корню. Население этих деревень мало-помалу бежало в город, где и оседало у родственников. Отряды, посланные на разведку, большей частью не возвращались. Те, что возвращались, докладывали в один голос: в полутора днях пути от города начинается колдовская мгла, гибельная и непроходимая, и сколь далеко она простирается – никому не ведомо, а Создатель знает лучше.

Ларгитасцы – шестьдесят четыре человека – оставив исследовательские лагеря, собрались в посольстве и выжидали. Поначалу царила уверенность: родина не бросит их в беде! Надо лишь дожидаться, когда ВКС Ларгитаса объявятся в системе Шадрувана в силе и славе, в сопровождении учёных и спасателей, во всеоружии науки и техники, лучшей во всей Ойкумене. Не могут же эскадры адмирала Шармалю вечно висеть на орбите? Да и не станут гематры вступать в бой с ларгитасским флотом. Расчёт адмирала был верен, момент Шармаль выбрал удачный, но бомбардировка сорвалась, ситуация изменилась, гематрам придётся отступить...

* * *

– Регина, что вы такое говорите? Шармаль, эскадры, гематры... Какая ещё бомбардировка?!

Чай давно остыл. Перестоявший, едва тёплый отвар горчит, но кавалер Сандерсон не в силах остановиться, пока не опустошает чашку до дна. Во рту пересохло, словно это он, а не доктор Ван Фрассен рассказывал историю Шадруванской катастрофы.

– Бедный маленький Гюнтер... Ничего, что я так?

– Почему это я бедный? Почему маленький?!

– Узнаю наши спецслужбы: первым делом – всё засекретить. Думаете, почему закрылась Скорлупа? Вернее, почему я её закрыла?

– Вы говорили: вам очень хотелось жить. Неужели гематры...

– Адмирал Шармаль уничтожил наши спутники и корабль на орбите. Потом он вышел на связь с посольством и объявил: «Наземный «цирк», окруженный тем, что вы называете Скорлупой, подвергнется бомбардировке. Все живое в «цирке» будет уничтожено. Все материальные объекты будут уничтожены. «Цирк» будет заражен радиацией, исключаяющей нахождение человека даже в спецсредствах защиты.»

Речь адмирала доктор Ван Фрассен цитирует дословно. Попроси Гюнтер, и она, наверное, поделилась бы с ним энграммой двадцатилетней давности.

– Но почему?!

Взмахнув рукой, Гюнтер опрокидывает чашку. Та глухо ударяется о пластифицированный нанобетон. Слабый звук отдаётся в ушах грохотом взрывов. «Все живое будет уничтожено. Все материальные объекты будут уничтожены. «Цирк» будет заражен радиацией...»

Они сидят во внутреннем дворе посольства. В ржавой мгле низкого неба умирают светлячки – огоньки редких звёзд, а может, и не звёзд.

– Я узнала лишнее. Узнала, додумалась – не важно. И имела неосторожность это озвучить.

– Лишнее?!

– Тоже хотите знать? Это в крови у таких, как мы. Не боитесь угодить под бомбы?

– Не боюсь, – с мальчишеской резкостью произносит кавалер Сандерсон.

И запоздало, чувствуя, как горят от стыда уши, понимает: да, правда. Не боюсь.

* * *

...дни складывались в недели, недели – в месяцы. Помощь не приходила.

– К чёрту! – заявил Бернард Кауфман, руководитель экспедиционной группы. – У нас есть техника! Мы пройдем через эту мглу, чем бы она ни была. Подадим сигнал нашим кораблям на орбите, если отсюда сигнал не проходит. У вездехода запас хода – тысяча километров. Герметичная кабина, дублирующая система навигации, бак для воды на сто литров. Турель с лучевиком, лёгкое бронирование – это вам не лошади с верблюдами! Кто со мной?

На рассвете из ворот посольства выехал вездеход с экипажем из трёх человек. Цивилизационный шок? Запрет демонстрировать туземцам чудеса технического прогресса? Плевать! Переживут как-нибудь. Посол Зоммерфельд вяло пытался отговорить Кауфмана, но и сам в глубине души жаждал действовать, а не сидеть и ждать у моря погоды.

Вездеход не вернулся.

Горячие головы требовали отправить спасательную экспедицию. Их остудили: «Кого? Куда? У нас нет лучшего транспорта и более совершенных средств защиты. Потерять еще троих? Пятерых? Вы этого хотите?!» Спасатели для виду согласились – и решили угнать аэромоб, чтобы самовольно вылететь на поиски

Им помешали монстры.

Конечно, монстры. А кто ещё? Никому и в страшном сне не приснилось бы, что на планете, в мире косной материи, есть шанс столкнуться с флуктуациями континуума.

Через площадь с криками бежали горожане, объятые ужасом. За ними по пятам ломилось косматое чудище: гибрид медведя и исполинской обезьяны. Без быка-производителя, судя по кривым рогам, тут тоже не обошлось.

– Дэв! – вопили несчастные. – Спасайтесь, в городе дэв²!

Стража отважно заступила монстру дорогу. Монстр смёл стражу вместе с их щитами, пиками и саблями. Кого-то ухватил поперёк туловища, откусил голову и довольно захрустел лакомством. «Ни хрена себе!» – вырвалось у спецназовца по прозвищу Груша, выскочившего на крыльцо посольства. С неожиданным для его комплекции проворством Груша вскинул к плечу лучевик «Шершень» и, не дав себе труда прицелиться, надавил на спуск. По такой крупной цели не промахнулся бы и слепой. Разрядом полной мощности «Шершень» прожигал композиционную броню среднего танка, а рогатого людоеда превратил в чадающую гору мертвечины за две секунды.

– Есть ещё желающие? – поинтересовался Груша.

Словно отвечая ему, над крышами мелькнула исполинская тень.

– Рух! – горожане спешили укрыться в арках домов. – Рух!

Запрокинув лицо к небу, Груша повёл стволом, но крылатая тварь уже была над двором посольства. Фасад здания скрыл её от стрелка.

– Скунс, во двор! – орал Груша в переговорник. – Красный код!

Он бежал по коридорам здания. Он знал, что опоздает.

² Горные и пустынные великаны. Звероподобные людоеды.

Со двора навстречу пикирующему чудовищу ударила огненная комета. Из земли – в небо. Отсветы её были хорошо видны сквозь окна. «Скунс! – возликовал Груша. – Успел!» Но это был не Скунс, второй и последний из бойцов спецназа. В тот день Артур Зоммерфельд, мальчик шести лет от роду, впервые *вспыхнул*.

Вспыхнул – и взлетел.

Позже выяснилось: монстров было пятеро. Дэв, птица Рух и троица *гулей*³, как называли их местные. Горожане честно признались, что раньше таких не видели. И продолжили свой зубодробительный бестиарий: алмасты, эмеген, дарганы... Вроде вашего, да! В дарганы, кем бы они ни были, горожане зачислили Фриду: приняв облик ящера, химера с завидным аппетитом пожирала располованное когтями тело некрупной – едва ли больше человека – голой твари с устрашающей мордой гиены. Гуль, не гуль – этого красавца Фрида прикончила сама и теперь насыщалась законной добычей. Ещё двух подняли на копыта воины шаха. Дэва сжёг из лучевика Груша. Что же до птицы Рух...

На птицу тварь походила мало, скорее на птерозавра. В левом кожистом крыле зияла рваная дыра с обугленными краями: живая комета по имени Артур прожгла крыло насквозь. Умер птерозавр не от этого: при падении он сломал шею. Вокруг трупа в задумчивости бродил голый закопченный мальчик. Для местных отныне и навсегда – огненный *аль-ма́рид*⁴, джинн-защитник города.

К чести Кейрин-хана, Опора Трона быстро разобрался в ситуации и принял меры. Город отрезан от обитаемого мира? Из колдовской мглы приходят чудовища? Значит, надо уберечь город и окрестные поля с виноградниками – единственный источник пищи. Что у нас для этого есть? Юный джинн – раз. Волшебное оружие чужаков – два. Чародейка с её зубастым дарганом – три и четыре. А с мелочью вроде гулей справятся лучники с копейщиками.

Земледельцы напуганы? Отказываются выходить на поля? Ищут убежища за городскими стенами?! Неделя показательных порок на площади. Шахский фирман⁵, сулящий лодырям мучительную казнь. И вот уже декхане трудятся в поте лица, отдавая все силы борьбе за урожай. На расстояние дня пути высланы дозорные, налажена система сигнальных костров. По подсказке чужаков к ним добавился гелиограф, повысив оперативность связи. Бойцов спецназа и чародейку обязали сражаться с монстрами, не щадя живота своего. Колеблются? Раздумывают?! Содействие в обмен на поставки продуктов в посольство. Голод не тётка, решение принято. Участие аль-марида в отражении нападений? Ввиду малолетства джинна оставить на усмотрение его отца. Послу Зоммерфельду приватно намекнули: участие Артура будет всячески поощряться, неучастие же весьма разочарует пресветлого шаха, а также Кейрин-хана лично.

Разочарует и огорчит.

Опытный дипломат, посол Зоммерфельд услышал всё, что требовалось. Поначалу, желая уберечь юного джинна от бахвальства и опрометчивых поступков, отец всякий раз выезжал на битву вместе с сыном. В итоге Зоммерфельд снискал славу доблестного воина, но лишился левой руки, сражаясь со злобным *вишапом*⁶. Скрепя сердце, он стал отпускать Артура на битвы в сопровождении чародейки, а позже и самостоятельно. По сей день он ни разу не пожалел вслух о таком решении, хотя лицо его выдавало глубокие страдания.

Увы, расходные биоматериалы в посольском медцентре подошли к концу. Регенератор барахлил, вырастить послу новую руку не удалось. Пришлось довольствоваться примитивным механическим протезом, да и тот с годами поизносился.

³ *Оборотни с отвратительной внешностью. Живут в пустыне вдоль дорог, охотятся на путников.*

⁴ *Вид могучих джиннов. Согласно повериям, изо рта и ноздрей у них выходит огонь. Марида способны летать, а также менять облик от великана до карлика.*

⁵ *Указ.*

⁶ *Змей.*

Кейрин-хан правил, что называется, железной рукой, чья хватка была куда крепче, чем у протеза Николаса Зоммерфельда. Опора Трона всех пристроил к делу – и сумел-таки наладить жизнь в отрезанном от мира и осаждаемом чудовищами городе. Сельское хозяйство, охрана стен и земельных угодий, своевременное обнаружение и уничтожение непрошенных гостей, развитие полезных ремёсел... В этой системе нашлось место и обитателям посольства. Ежедневно ларгитасцы учили разным премудростям выделенных ханом писцов, звездочётов, врачей и кузнецов. Языки и математика, механика и медицина, история и политика Ойкумены – в ход шло всё, что удавалось хоть как-то адаптировать к местной архаичной картине мира. Крохи могучих знаний, накопленных Ларгитасом, звучали для шадруванцев откровением. Гелиограф, водяные насосы, улучшенные технологииковки и литья, лекарства из трав и минералов, знания по анатомии и навыки хирургии – пусть и на самом примитивном уровне, всё пришлось как нельзя кстати.

О себе Кейрин-хан тоже не забывал. Женив молодого полуслеплого шаха Хеширута на собственной дочери, хан дождался, когда та родит наследника трона. За год хан убедился, что мальчик здоров и жизни внука ничто не угрожает, после чего шах Хеширут умер от заворота кишок, а Кейрин остался Опорой Трона уже при внуке. Кто-то недоволен таким политическим раскладом? Одного зарезал грабитель, пробравшийся ночью в дом, другой отравился тухлым мясом, третьего без свидетелей подстерёг и сожрал гуль....

Больше желающих изменить расклад сил и откусить свою толику власти не нашлось.

Ларгитасцы в дворцовые интриги не вмешивались. У них имелись свои, более насущные проблемы. Регенератор сдох, заканчивались медикаменты. Выходили из строя механизмы и электроника: истирались прокладки и подвижные сочленения, ломалась механика, перегорали платы. Количество запчастей на складе стремилось к нулю. Отказывали сантехника и водопровод, забивались фильтры. Реактор тлел в экономном режиме. Наглухо садились аккумуляторы, исчерпав лимит циклов перезарядки. Лучевики превратились в куски металла – дубина, и та удобнее. Всё чаще члены маленькой ларгитасской общины полагались на сабли и кинжалы, предусмотрительно выменянные у туземцев ещё в первый год изоляции...

Жизнь превратилась в кошмар, в галлюцинацию психопата.

«Ограничения, – говорила Анна-Мария Ван Фрассен, тогда ещё Рейнеке, без малого шестьдесят лет назад, и слушал ее капитан-лейтенант Теодор Ван Фрассен, понимая, что эта женщина – его судьба. – Если мы говорим о подлинном, фундаментальном счастье, его условия определяются одним-единственным словом: ограничение.» Запертые в Саркофаге ларгитасцы сполна вкусили этого научно обоснованного счастья. Ограничение в пространстве. Ограничение в свободах. Ограничение в потребностях. Ограничение в возможностях. Ограничение в продолжительности жизни. Голод. Разруха. Угроза внешняя и внутренняя. Деспотизм властей. Болезни. Ранняя смерть. Лоск цивилизации, самой просвещённой из цивилизаций Ойкумены, сползал со вчерашних граждан Ларгитаса, ныне – узников Саркофага, как дешёвая позолота. Под ним обнаруживалась грубая, скверно обработанная поверхность с опасными заусенцами: тронь – поранишься.

Да и был ли он, этот лоск?

* * *

– Галлюцинаторный комплекс, – даже в темноте, ничего не видя, Гюнтер понимает, что доктор Ван Фрассен улыбается, – так же реален, как Ларгитас или Октуберан. Не фантом, не иллюзия, не продукт специфической деятельности мозга. Объективная реальность, данная нам в ощущениях. Энергеты, антисы, сильные менталы вроде нас с вами – все используют энергию разницы потенциалов между двумя реальностями. Термопара, конденсатор... Подберите любую аналогию, какая вам больше нравится. Это открытие ставит жирный крест

на теории расового превосходства техноложцев над энергетиками, якобы подверженными шизофреническому расщеплению сознания. Ущербными скорее оказываются техноложцы, которым доступна лишь одна из двух сторон медали.

– Но это же колоссальный козырь для энергетиков! Почему же гематры...

– Это козырь, но это ещё и оружие. Если эффект Вейса – не специфическое свойство психики энергетиков, не патология, тогда в действие вступают законы физики. А это уже область компетенции нашей замечательной ларгитасской науки. Вы в курсе, что до закрытия Скорлупы на Шадруване гибли энергеты? Не в курсе? Я так и думала. У этой информации высший уровень секретности. Отсечение одной из двух реальностей приводило их к энергетическому голоданию и быстрой смерти. Если бы «эффект Шадрувана» удалось воспроизвести искусственно...

– Оружие против энергетиков. И *только* энергетиков.

– Гематры просчитали это раньше других. Просчитали – и приняли меры.

Оружие, думает Гюнтер. Из-за оружия доктор Ван Фрассен закрыла Саркофаг, спасая себя и других. Оружие падало сверху; оружие таилось внутри. Сабли, кинжалы. Лучевики. Бомбы. Плазматоры. Межфазники. Наплевать и забыть. Такого оружия, какое дала бы Ларгитасу разгадка здешней тайны, ещё не знала Ойкумена.

– Но Горакша-натх – энергетик! Мой сын – антис. Оба сейчас здесь, под Саркофагом, и не испытывают особых неудобств. Ну, не больше, чем другие.

– Вы прошли сюда *под шелухой*. Вы уже находились в реальности галлюцинаторного комплекса, когда проходили через Скорлупу. В ней вы и остались – другой здесь просто нет. Скоро у брамайны, у вашего сына – и у криптидов – возникнут проблемы с энергетической подпиткой. Это не смертельно, но весьма неприятно. К нам с вами, как к менталам, это тоже относится в полной мере. Поверьте, я знаю, что говорю! Нахлебалась за двадцать лет, полной ложкой... Берегите силы, не расходуйте их попусту. Мы здесь на голодном пайке, восстанавливаться придётся долго...

– Кстати, о голодном пайке. Надо бы проведать криптидов, – Гюнтер встаёт, разминает затёкшие ноги. – Проведать и покормить.

В ответе доктора Ван Фрассен звучит горечь:

– Чем? Еды не хватает для людей.

– Тем, что они любят больше всего.

– Человечиной?

Годы под Саркофагом окрасили чувство юмора женщины в чёрный цвет.

– Вроде того, – соглашается кавалер Сандерсон. – Идёмте.

Контрапункт Трусы цвета хаки, или Семейные, в горошек

*Ну-ка сядем, старики,
Со своими стариками,
Разломаем хлеб руками,
Выпьем всё, что есть в стакане,
Всем запретам вопреки.*

*Молодых не пригласим,
Пусть гуляют, молодые,
Посидим в табачном дыме,
Вскинем головы седые,
Кто не сед, тот некрасив.*

*И затынем, старики,
Так, что горла станет жалко.
Нам ли спорить за державу,
Если мясо с пылу, с жару,
Если к пиву окуньки?*

Вениамин Золотой, из сборника «Сирень» (издание дополненное и переработанное к тридцатипятилетию со дня первой публикации)

Двор был полон тьмой и движением.

Ночь не принесла пролады.

Они сидели на крыльце: раздетые, в одних трусах. Гай Октавиан Тумидус – в армейских хлопковых, цвета хаки, Лючано Борготта – в семейных, синих в мелкий белый горошек. Единственный в Ойкумене консуляр-трибун Великой Помпнии, в чьём подчинении не было легионов – и завкафедрой иницилирующей невропазии в антическом центре "Грядущее", единственным центре Ойкумены, где занимались не индивидуальными антисаами, а коллективными.

– Как в старые добрые времена, – сказал Борготта. – Только мы с тобой.

– Добрые, – кивнул Тумидус. – Нашел, о чём напомнить.

– Ну, нашёл.

– Сволочь.

– От сволочи слышу. Рабовладелец.

– Был. Твоими молитвами.

– Вот и славно.

– Тише. Разбудишь.

– Я и так тихо...

Во мраке сновали жёны и дети Папы. Стирали бельё в тазах, взгромоздив ёмкости на шаткие колченогие табуреты. Развешивали постирушку на верёвках, натянутых от забора к дереву, от дерева к карнизам крыши. В земляной печи, зарыт в горячий песок под костром, выпекался *арбут* – ячменный хлеб с квашеным молоком и топлёным козым жиром. Девочка лет десяти, шёпотом напевая скабрёзные куплеты, чистила гору морских окуньков. Гора уменьшалась со скоростью выхода челнока на орбиту. Рядом рос курган чищеной рыбы, обещая сравняться с первоначальной горой. Разбросанная вокруг чешуя серебрилась в лунном свете. За забором, на улице, играли мальчишки.

Всё происходило в мёртвой тишине. Ну хорошо, не в мёртвой – в живой. Шарканье подошв, кряхтенье, скрип ножа, зацепившего жабры. Удары босых пяток о землю. Бульканье воды. Куплеты. В сравнении с обычным гвалтом, царившим во дворе Папиного дома, эту тишину можно было счесть удивительной. Тиран и деспот, антис и карлик, обожаемый и проклинаемый Папа Лусэро наконец заснул, забылся хрупким тревожным сном – и любой член семьи скорее откусил бы себе язык, чем разбудил бы старика.

– Я вызову мобиль, – сказал Борготта, не двигаясь с места. – Пусть отвезёт меня в отель. Ещё немножко посижу и вызову.

– Не здесь, – предупредил Тумидус.

– Знаю. Я вызову мобиль с соседней улицы. Скажу, чтобы сел на площади, у фонтана. До фонтана три квартала, шум двигуна никого не потревожит. Полетишь со мной?

– Нет.

– Ну да, конечно.

После истории с неудачным взлётом пассколланта, когда тяжеленный Папа едва не угробил своих спасителей, Тумидус покинул отель «Макумба» и переселился в дом Папы Лусэро без объяснения причин. Это оказалось кстати – не прошло и пары дней, как Папа обезножел. С постели он не вставал, ходить не мог, и Тумидус носил карлика на руках – в туалет, на помывку, на двор, подышать свежим воздухом. Лезли жёны, уверяли, что отлично справятся с тщедушным супругом – гнал поганой метлой, не стесняясь в выражениях. Проклинал всех, кто опаздывал на проводы – с точки зрения Тумидуса, Папа обещал уйти с минуты на минуту, а без Рахили и Нейрама, антисов сопровождения, это могло обернуться бедой. Ничего, успокаивал его Папа. Ерунда, всё в порядке. Я здесь, я обожду. Ты уж поверь, белый бвана, без них я и с места не двинусь. Ты и так не двигаешься, ворчал Тумидус. Ты, старый грубиян! Давай, пошли меня по матушке! Зачем, недоумевал Папа. Зачем, передразнивал его Тумидус. Чтобы убедиться: ты живой, обычный. Папа вспоминал почтенную мать Гая Октавиана Тумидуса в неприличном контексте, и консуляр-трибун успокаивался на какое-то время.

На очень короткое время.

Звонил наместник Флаций. Тумидус ждал, что наместник потребует возвращения в «Макумбу», и был готов воспротивиться, но Флаций обошёл скользкую тему стороной. «Война, – сказал наместник. – Боюсь, у нас война. Знать бы ещё, с кем мы в конфликте, а с кем в союзе! Ладно, Гай, не берите в голову. Мне вы всё равно не поможете, а я вам только помешаю.»

Боюсь, отметил Тумидус. Железный Флаций сказал: боюсь. Похоже, ситуация складывалась чрезвычайная. А может, железо пошло ржавчиной.

– Как в старые добрые времена.

– Ты уже говорил.

– Ну и что?

– Ну и ничего.

Перебравшись к Папе, Тумидус ждал головной боли от многочисленного семейства антиса. Человеконенавистник, Тумидус своим девизом сделал команду: «Больше двух не собираться!» К его изумлению, орда женщин и детей приняла его, как родного. Кормили, поили, любили. Суровый помпилианец прекрасно обошёлся бы без этого «любили», но ему не оставили выбора. От предложенных сексуальных услуг он отказался наотрез, мотивируя отказ дружбой с Папой. Его заверили, что секс только укрепит дружбу. Тумидус объяснил, что не спит с чужими женами, и уж тем более с чужими дочерьми в доме их мужа и отца. Женщины пришли в большое волнение. Тумидуса учили и лечили, укоряли и подбадривали. Взывали к совести помпилианского Лоа. Изгоняли из помпилианца злых духов, читали лекции по гигиене интимной жизни, проводили сеансы экзорцизма и психоанализа. Отчаявшись, прибегли к крайним мерам. Однажды Тумидус проснулся посреди ночи в отведенной ему комнате, обна-

ружив в своей постели трех энергичных особей женского пола. С трудом отбив атаки фурий, он пошел на уступки – разрешил спать рядом, благо места хватает, но чтобы тихо и ни-ни!

Утром выйдя во двор, Тумидус выяснил, что его называют не иначе как «могучим слоном», а трём фуриям завидуют лютой завистью.

– Ты ему рабство предлагал? – спросил Борготта, почесав живот. – Если он раб, он умрёт спокойно. Когда нет свободы, умереть – раз плюнуть. Как если бы и не жил. Договорились бы с кем-нибудь из ваших, у кого клеймо сильное. Папа сейчас такой, что его и в рабы можно взять. Ну, наверное.

– Предлагал.

– А он что?

– Отказался. Хочет умереть свободным.

– Дурак.

– Кто, Папа?

– Нет, я. Дурак, что спросил. Мог бы и сам догадаться.

– Что ты предлагаешь?

– Ничего.

– Врёшь. Я за версту чую, когда у тебя свербит. Я чую, и меня бросает в холодный пот.

– Откуда ты знаешь это слово?

– Какое? Свербит?

– Нет, верста.

– Степашка научил. Степан Оселков, твой ученик, космос ему пухом.

– Да, Степашка. Жаль парня.

– Идею давай. Выкладывай.

– Это не идея. Это так, гипотеза.

– Час от часу не легче. Рожай, не тяни.

– Помнишь, как я тебя корректировал? Во время выступления в училище?

– Такое не забывают. Помирать буду, вспомню.

– Так вот, насчёт помирать. Если взлететь нельзя, остается только помирать. Задача – умереть спокойно, без антических эксцессов. В рабы Папу нельзя. Телепаты с антисами не работают, боятся. Да и нет у меня знакомого телепата. У тебя есть?

– Откуда?

– Телепат отпал. Кто остался?

– Великий Джа? Папа вроде бы верующий.

– Я остался, болван. Я, невропаст. Контактный имперсонатор. Слабое воздействие с троекратного разрешения клиента. Значит, агрессии нет, Папа меня не сожжёт.

– Он сейчас и мухи не сожжёт.

– Тебе хорошо говорить, ты своей задницей не рискуешь. А вдруг? Итак, я подключаюсь к Папе – добровольно, ненасильственно. Дальше два варианта...

– Знаю я твои варианты.

– Нет, не знаешь. Первый: я корректирую взлёт, выход в большое тело. Если я тебя, кретина, выучил на оратора, неужели я антиса на антиса не откорректирую? Разберусь, что куда, потяну за ниточки...

– Бомба и рванёт.

– Нам и надо, чтобы рвануло. Взлетит в силе и славе...

– А если не в силе? Не в славе?! Взлетит, как тогда, с моим коллантом. Взлетит и давай падать. А рядом никого, чтобы поддержать.

– Может, связь сохранится? Он там, на орбите, я здесь, во дворе.

– Дотянешься? Вряд ли.

– Предположим, дотянусь. Откорректирую, подкручу колки. Если что, посажу на Китту.

- Риск.
- Риск.
- Большой риск.
- Большой.
- Ты что-то хочешь сказать? Я же вижу, что хочешь.
- Я уже работал с антисом. Двадцать лет назад. И ничего, живой.
- Живой.
- И антис живой. Летает.
- Ты работал с Нейрамом Саманганом, когда Нейрам был рабом. Нет, хуже: роботом, живым овощем. Его личная свобода была зачищена в ноль. Ты тоже был рабом – в ошейнике, с половиной свободы. Чёрт побери! Я лично вернул тебе эту половину. Будь вы с Нейрамом свободны оба...
- И что?
- Свобода всегда конфликтна. Уверен, вы бы сцепились рогами. Это рабство на всё согласно, а свобода лезет на рожон. Короче, я против.
- А кто тебя спрашивает? Утром я поговорю с Папой.
- Я против. Помнишь, как ты меня корректировал? Во время выступления в училище?
- Такое не забывают. Помирать буду, вспомню.
- Вот-вот. Ты транслируешь боль. Непроизвольно, неконтролируемо.
- Не всегда.
- Риск. Ты сделаешь Папе больно, и вы оба сгорите к чёртовой матери. В случае горячего старта сгорим все, понял?
- Не дави, рабовладелец. Надо же что-то делать?
- Хорошо, приняли как рабочую версию. В порядке бреда. А если взлёт не срастётся?
- Я помогу ему спокойно умереть. Это второй вариант.
- Откорректируешь?
- Да.
- Прямо во время агонии?
- Да.
- Ты когда-нибудь работал с умирающим? Кто-нибудь работал?
- Нет.
- Риск. Колоссальный риск. Кукла на верёвочках? Такая кукла раздавит кукольника. Страх смерти – слишком сильная эмоция для корректуры. Вы, невропасты – мастера слабых воздействий. Тут нужен мощный телепат, специализирующийся на чувствах.
- Телепаты с антисами не работают, боятся.
- Да, ты говорил.
- Я справлюсь. Если совсем не уберу – ослаблю. Вдруг хватит?
- Это ты у меня спрашиваешь?
- Это я размышляю вслух. Тебя спрашивать – себя не уважать.
- Нельзя. Ты транслируешь боль.
- Да, ты говорил. Когда я в колланте, боли нет. В большом теле Королева Боль не даёт мне аудиенции. Или трансформируется во что-то иное, безвредное. Боль приходит, когда я и клиент – в малых телах, данных от рождения.
- Если ты рискнёшь снимать страх смерти, вы с Папой будете в малых телах. Если рискнёшь помогать ему со взлётом, в начале контакта вы опять же будете в малых телах. Самое время для твоей Королевы Боли.
- Ты прав. Чтоб ты скис со своей правотой!
- А другого невропаста у нас нет.
- Других невропастов хоть пруд пруди.

– Пруд – сколько угодно. Всех утопить, и праздничный салют. Нам нужен такой невропат, который знает, как умирают антисы. Рассказывать об этом кому попало мы не имеем права. И тот, который знает, должен еще согласиться на смертельный риск.

– Я согласен. Но мне нельзя.

– Тебе нельзя. Даже если ты и согласен.

В небе вспыхнула звезда. Чахлая, тусклая, она снижалась, распадаясь на две, три – бортовые огни аэромоба. Чихнул двигун, каркнул хриплым басом, умолк.

– Тихо! – зашипела малышня, игравшая на улице. – Папа спит!

– Живой, – с облегчением выдохнул кто-то. – Раз спит, значит, живой. Пьеро, мы успели!

Пьеро, сукин ты сын, слышишь? Успели!

– Ругаетесь, – отметил невидимый Пьеро. – Значит, вы тоже живой.

– Отпускай меня!

– Дудки, маэстро. Не отпущу.

– Отпускай. В этот дом я войду сам.

– Маэстро! – шёпотом завопил Лючано Борготта, вихрем слетая с крыльца. – Маэстро, я вас убью! Вы что, сбежали из больницы?

– Сбежал, – подтвердил гость-полночник.

Карл Мария Родерик О'Ван Эмерих стоял в воротах.

Глава третья

Чрезвычайная ситуация, или Нарушитель будет казнён

I. Чайтра

Вызывать пилота он не стал.

Задав координаты Обители Четырёх Лотосов, где ждал его кузнечик Рачапалли, Бхима-сена пронаблюдал, как без лишней спешки распахивается пасть подземного гаража, как выходит на волю серо-графитовая «Шакунтала» – и предоставил автоматике самой прокладывать оптимальный курс. Мало кто отваживался доверять автопилоту в столичном безумии транспортной толчеи, но генерал надеялся на системы навигации и безопасности «Шакунталы» – более продвинутые, чем у гражданских аэромобов. Жесточайший цейтнот, каждая секунда на счету – в конце концов, гибель в авиакатастрофе не худший вариант.

Нет, совсем не худший.

Конфидент-режим. Защищённая линия. Вызов.

– Доктор Пурухит? Это срочно!

Слушать возражения доктора он не стал:

– Что? Все остальные дела подождут!

На коммуникаторе Пурухита, врача антического центра, конфидент-режим включился принудительно, вне зависимости от желания и действий доктора. Как начальник центра, генерал имел доступ к такой функции на устройствах своих подчинённых.

– Храм Девяти Воплощений! Немедленно! И чтоб никому ни слова! Вы меня поняли, доктор? Вы меня хорошо поняли? Докладывать мне, и только мне!

Рядом, по правому борту, отчаянно взвыл двигун. Ржавый рыдван, чудом державшийся в воздухе, впритирку разминул с «Шакунталой». Дребезжание, лязг, от колымаги отвалился кусок обшивки размером с мужскую ладонь – кувыркаясь, он полетел вниз. Выругавшись, генерал снова уткнулся в коммуникатор. Пурухит – хороший психолог и опытный психотерапевт. Он умеет держать язык за зубами. Но один он вряд ли справится. У штатного нейрофизиолога был сегодня выходной, но выбора не осталось. Не обращаться же к сторонним специалистам?

Риск огласки нарастал с каждым новым посвящённым.

– Доктор Шукла? Да, я знаю, вы отдыхаете.

И на выдохе:

– У нас чрезвычайная ситуация!..

За километр до Обители небо очищается. Гул транспортных потоков остаётся за спиной, удаляясь и стихая. «Шакунтала» прибавляет ходу. Впору поверить, что вокруг Обители простирается такая же зона безопасности, как и вокруг дворца махараджи. Если так, то святые аскеты сбивают незваных гостей одним лишь взглядом, не прибегая к батарейным плазматорам.

Генерал вспоминает погибшего гуру, с лёгкостью бравшего технику под контроль.

Меня пригласили, напоминает он себе. Я – гость званый. Тревога грызёт печень. Небо, бездонное и безмятежное, тишина и покой производят прямо обратный эффект. Сердце гулко бьётся в груди, по лбу текут струйки пота, несмотря на включённый климатизатор. Приземлившийся во дворе Обители аэромоб выглядит чванливым франтом среди скромных трудяг – полудюжины древних мускульных орнитоптеров с отполированными до блеска контактными пластинами энергосъёмников на руле. К отбору энергии йогины-летуны прибегали в крайнем случае: когда физические силы иссякали, а полёт нужно было продолжить.

Прежде чем выбраться из машины, Бхимасена утирает пот со лба, делает несколько медленных вдохов и выдохов. Не помогает, но тянуть резину дальше уже неприлично. Повинуясь касанию сенсора, дверца плавно уходит вверх. В салон врывается волна иссушающего жара. Площадка на вершине холма лишена малейшей тени, и безжалостное чайтранское лето имеет возможность проявить себя во всей красе.

Под ногами – глина, утрамбованная до каменного состояния. Пыльные камни ограды дышат седой древностью. Обитель выглядит ровесницей планеты; кажется, что она существует здесь от начала времён. Постройки – из того же грубого камня, что и ограда – больше смахивают на фрагменты горного рельефа, чем на дело рук человеческих. В дальнем конце двора, под единственным деревом – узловатой капитхой с раскидистой кроной – на коврике для медитаций ждёт кузнецик: шри Рачапалли. Перед йогойном расстелен второй коврик, для гостя. На низеньком столике – узкогорлый кувшин и две глиняные чашки.

– Шри Рачапалли?

– Ваше превосходительство?

В глазах кузнецика блестят лукавые искорки. Генерал не обманывается этим: от шри Рачапалли он не ждёт добра.

– Достопочтенный Горакша-натх называл меня просто Рама-джи.

– Замечательно! Я с радостью последую по стопам быка среди аскетов. Присаживайтесь, Рама-джи, прошу вас. Принести вам стул?

– Благодарю, не нужно.

В спине хрустит, когда он усаживается на коврик. Ничего, терпимо.

– Воды?

Рот пересох. От воды его бросит в пот. Ну и пусть. В пот его бросит так или иначе – и уж лучше от воды, чем от предстоящей беседы.

– Спасибо, не откажусь.

Вода на диво вкусна и холодна, почти ледяная. Как бы горло не застудить! О чём он думает?! Бхимасена извлекает коммуникатор:

– Если не возражаете, я включу конфидент-поле. И сразу перейдём к делу.

– Могу ли я, недостойный, препятствовать тому, кто следует своей дхарме? Делайте, что велит вам долг, Рама-джи. И разумеется, я буду только рад, если мы с вами как можно скорее прольём свет истины в закоулки, полные мрака.

Мерцающий кокон окутывает обоих.

– От чьего имени вы говорите, шри Рачапалли?

– От имени Совета духовных лидеров. Мой слабый голос – голос всех наставников расы.

– Я весь внимание, гуру-махараджа.

Кузнецик не возражает против такого обращения. В этом он сильно отличается от покойного гуру, и не только в этом.

– Следуя вашей мудрости, Рама-джи, я перехожу к делу. Если вы соблаговолите ответить на три простых вопроса, я буду полностью удовлетворён нашей беседой, а вы сможете немедленно вернуться к вашим делам, несомненно важным и срочным. Итак, вопрос первый. Где сейчас находится наш бык среди аскетов, досточтимый Вьяса Горакша-натх?

– Увы, я не могу вам ответить.

– Не можете или не знаете?

– Не знаю.

– Печаль окутала моё сердце. Печаль, как туман в ночи.

В подтверждение сказанного кузнецик горестно вздыхает и замолкает надолго. Пауза, вне сомнений, на вес золота – она дает собеседнику возможность одуматься. Увы, Бхимасена честен: он и впрямь не знает, где сейчас находится гуру. Где, завершив нынешнее рождение, йогоины ожидают следующего? На этот вопрос куда точнее мог бы ответить сам шри Рачапалли.

– Тогда, Рама-джи, двинемся дальше по пути познания. Как повёл себя глубокоуважаемый Кешаб Чайтанья, лидер-антис нашей расы, во время известного инцидента в системе Ларгитаса?

Это удар ниже пояса. Что известно кузнечнику? Говорил ли он с Вьюхой и Капардином? Если да, что рассказали ему антисы? В любом случае, нельзя даже краем обмолвиться об операции по извлечению Натху с Ларгитаса. С планеты техноложцев взлетели три антиса. Один – Натху, двое других не идентифицированы. Это уже знают многие. Это сообщил СДЛ их «крот». Причина взлёта «кроту» неизвестна. Не должна быть известна!

Кузнечик ждёт.

– Насколько мне известно со слов уважаемых Вьюхи и Капардина, Кешаб Чайтанья повёл себя так же, как и его друзья. Встретив трёх антисов, одним из которых был Натху, он ничего не предпринял. Не решился применить насилие, вступить в бой, загородить путь или последовать за этой троицей. Вьюха сказал: «Антисы не воюют друг с другом».

– Вы не считаете многоуважаемого Кешаба Чайтанью изменником?

Кузнечик знает. Знает о высадке Кешаба на Ларгитас. Вьюха с Капардином были в смятении. От генерала они отправились напрямик к шри Рачапалли. Или к другому гуру – не важно.

– У меня для этого недостаточно данных, гуру-махараджа. Я не привык делать поспешные выводы при недостатке информации.

– Похвально, Рама-джи. Вы – тигр среди генералов. Коллегам следовало бы брать с вас пример. В таком случае вы с легкостью ответите на последний вопрос. Какое отношение имеете вы и Горакша-натх к двум техноложским антисам, взлетевшим с Ларгитаса?

Генерал видит себя заклинателем змей. Кузнечик – кобра. Факир должен играть, играть без устали. Факир должен раскачиваться, заворачивая змею движением флейты. Иначе бросок, укус, яд в крови, смерть. Как много людей погибло, недооценив безобидного кузнечика?

– Увы, гуру-махараджа. Мой ответ вас разочарует. Во-первых, нам не известна расовая принадлежность антисов, конвоировавших Натху. Осмелюсь напомнить: один из них имел наш, брамайнский спектр. Мы можем лишь предполагать ларгитасское происхождение конвоиров. И во-вторых, кем бы они ни были... Ни ваш покорный слуга, ни досточтимый Горакша-натх не имеем к ним ни малейшего отношения. Это я утверждаю со всей определённости. Более того, я теряюсь в догадках: как у Совета духовных лидеров вообще могла возникнуть на наш счёт подобная... м-м-м... Гипотеза? Подозрение?! Уж простите мне моё скудоумие...

Кузнечик молчит. Кивает чему-то своему: я знал, я так и знал. Кузнечик кивает, кобра раскачивается. Готовится к броску. Не увернуться, не защититься. Дыхание сбилось, умолкла флейта...

– Скромность – великая добродетель, Рама-джи. Для человека в ваших чинах – вдвойне, – шри Рачапалли рассуждает, не торопясь. Томительное ожидание неизбежного – худшая из пыток, и гуру-махарадже это доподлинно известно. – Поэтому я отвечу на ваш вопрос, хотя вы и не снизошли до ответов. Откуда возникла наша гипотеза? Совет духовных лидеров дорожит своими братьями. Досточтимый Горакша-натх предупредил нас, что отбывает на Пурниму, и связь с ним может быть затруднена. Неожиданное решение в свете явленного нам чуда, но кто мы такие, чтобы указывать быку среди аскетов, как ему следует поступать? Когда связаться с досточтимым братом и впрямь не удалось, Совет отправил на Пурниму посланца. Стоит ли говорить, что быка среди аскетов там не оказалось? Что община ожидала его прибытия лишь через три месяца?

Кузнечик даже не пытается выглядеть бесстрастным. Морщинистое лицо шри Рачапалли, вся его поза выражают глубочайшее огорчение. Лёд спокойствия под маской бури – полная противоположность другому гуру, что погиб на Ларгитасе.

– Ложь быка среди аскетов глубоко опечалила весь Совет. У нас даже родилась ужасная мысль: что, если бык лгал нам не единожды? И не только нам? Для нас не было тайной его стремление стать *велетом*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.